

Андрей Милованов

Русские корни

А. Милованов

Андрей Милованов

Русские корни

«Алетейя»

2017

УДК 821.161.1-13
ББК 84(2Рос=Рус)6

Милованов А.

Русские корни / А. Милованов — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-80-6

Эпическая поэма с элементами гротеска и народного лубка открывает читателю страну «счастливого советского детства». Описываемые драматичные события происходят на фоне взросления героя книги – московского паренька, оканчивающего школу и ожидающего призыва в ряды Советской армии. Опыт его столкновения со смертью трагически совпал с первым терактом в истории Московского метрополитена. Жизнь открывает ему все новые грани – комические, трагические, лирические, в том числе во время его работы на кладбище, где он копал могилы для москвичей. Чем не шекспировский сюжет? Как шекспировский Гамлет, взрослеющий юноша размышляет над метафизическими проблемами бытия.

УДК 821.161.1-13

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906910-80-6

© Милованов А., 2017

© Алетейя, 2017

Андрей Милованов

Русские корни

Издательство благодарит художника Никаса Сафронова за предоставленное право использовать в оформлении книги картину «Майский день в праздник Святого Николы» (2012).

© А. Милованов, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Года, как миг, бегут украдкой,
Вся жизнь становится загадкой,
Нам разгадать её дано.
Мой взгляд – в открытое окно.

А запах бархата сирени,
Ступаем вверх, стопа, ступени,
Один пролёт, как целый год,
Нас юность в молодость ведёт.

Страна давно у нас с апломбом,
Что ждёт нас там, за горизонтом,
Один лишь знает, он Святой,
Всегда парит над головой.

Он в душу мне несёт тепло,
С ним в темноте всегда светло,
Нам верный путь всегда укажет,
А что не знаем – нам подскажет.

Сошла страна с Его пути,
Застой и пьянство, не пройти,
Святой в беде нас не бросает,
По вере всем Он помогает.

Совсем недавно, в своём сне
Я шёл дорогой в ночной мгле,
Путь осветила мне звезда,
Ведёт тропа к Нему всегда.

Раскрыл Он мне свои объятия,
Обнял, любя, какое счастье!
Поклоны я ему отбил.
«Вот Млечный путь, – он мне гласил, —

Мы по нему с тобой ступаем,
Идём, беседуем, гуляем,

Он освещает нам дорогу,
Мы не таим в душе тревогу».

Друг друга слышим мы рассказы,
Речь Бога, золотые фразы,
Россию славой вспоминает,
В душе своей о ней страдает.

«Раб, видишь этот Млечный путь?
С него с тобой нам не свернуть,
Он освещает нам дорогу,
Идём по ней на босу ногу.

Препятствий нет, идём вперёд,
Что на пути с тобой нас ждёт,
Известно только одному,
Ты знаешь, раб мой, почему.

Тот, кто в душе со мной живёт,
Дорогой этой в Храм идёт,
Как дальше жить, там всем расскажут,
В иконе образ мой покажут.

Увидит образ человек,
Поймёт, что связан с ним навек,
Всю скверну в Храме он оставит,
Крестом моим себя прославит.

Из Храма скверну уберём,
Прогоним и в костре сожжём,
С Иудой справиться помогут
Святые, они много могут.

В России Русский человек,
Со мной пройти свой должен век,
Жизнь в Православии прекрасна!
Сейчас она у вас ужасна,

Вы постоянно в маяте,
День ваш проходит в суете,
С ухабами у вас дорога,
Хулите вы, не чтите Бога.

Меня вы вспомните тогда,
Когда болезнь у вас, хандра,
Вы без оглядки в Храм бежите
И пред иконами дрожите.

Лишь беды вам дадут понять:

Нельзя без Бога проживать,
Коль будет трудно, вы поймёте,
Ко мне, во Храм вы вновь придёте.

Начнёте лоб свой расшибать,
Хандру о паперть прогонять,
Начнёте Богу – мне – молиться,
И Святость обретёт водица.

Вода простая вам – от жажды,
В ней водородной массы дважды,
Вода Святая – исцеляет,
Хандру, болезни прогоняет.

А где вы были эти годы?
Вам Бог послал дары природы,
Меня и Храм вы позабыли:
Вождей своих вы возносили.

Одна свеча к иконе Бога
Осветит путь вам от порога,
И светлой станет ваша жизнь,
За свет за этот ты держись.

Он поведёт тебя туда,
Где счастлив будешь ты всегда,
Там нет болезней, нет и горя,
Там радости, улыбок море.

Тот свет с дороги не собьёт,
Во тьму тебя не приведёт,
Обрыв, овраг тебе осветит,
Он зверя страшного пометит.

Тот свет позволит вам пройти,
Где нет дороги, нет пути,
Вам ношу сделает пушинкой,
Непроходимый лес – травинкой.

Не даст тот свет вам заболеть,
И раньше срока умереть,
Не даст на кочке он споткнуться,
Не даст вам в жизни промахнуться.

Друзей тот свет вам подберёт,
От них не будет отворот,
Надежду, Веру и Любовь
Тот свет для вас приобретёт.

А кто тем светом нас осветит?
Народ наш Русский кто приметит?
В России кто дороже всех?
Наш Бог, для Русских он – успех.

Со светом тем мы все родились,
В стране рассвета пригодились,
Мы каждый день живем при нём,
Со светом тем мы и умрём.

Вся наша жизнь, как Млечный путь,
С него никак нельзя свернуть,
И в этом мы должны признаться,
Не нужно даже обольщаться.

Чуть-чуть с него ты повернёшь,
К Иуде вскоре попадёшь,
Раскроет он свои объятия,
Начнёт с тобой грехов занятие.

На путь кривой тебя поставит,
Обманывать родню заставит,
Предлог на взгляд-то благовидный,
А для народа он обидный.

Начнёшь обманывать народ,
Не в свой залезешь огород,
Писать начнешь ты анонимки,
В глазу увидишь две соринки.

Тянуть начнёшь ты одеяло,
Оно тебя уж обаяло,
Тебе же жарко, спасу нет,
Замёрз от холода сосед.

Познаешь ты урок коварства,
Иудино узнаешь царство,
Чем больше подлости и лжи,
Тем интересней миражи.

Безделье ты и тунеядство
Воспримешь, как своё лекарство,
Есть у тебя бахвальства кнут,
А спины пусть другие гнут.

Наветы и свои посланья
Слать станешь ты нам в наказанье,
Льстецы наветы те прочтут,
Тяжёл на шее твой хомут.

Иудин путь за счёт народа!
Тебя болезнь проймёт, уroda,
Белугой выть, кряхтеть, скулить,
Начнёшь Иудин путь хулить.

Ужом ты вспомнишь сковородку,
Ковчег ты вспомнишь, вспомнишь лодку,
Кто и куда, когда приплыл,
Как жизнь ты бrenную прожил.

Ты вспомнишь мамино учение,
Дорогу вспомнишь и прозрение,
Ты вспомнишь, как с неё сошёл,
Другой дорожкой ты пошёл.

Кричать ты станешь, звать людей
На помощь пусть придут скорей,
Болезнь Иуды излечите,
Меня пред Богом окрестите.

Тебе руки не подадут,
На шее был ты им хомут,
Ты жил всегда за счёт народа,
Любил Иуду ты, урода.

Теперь вон, жареный петух,
На попе свой оставил пух,
Тебя туда он сильно клюнул,
Чтоб ты дорогу зла покинул.

На Млечный путь опять зайдёшь,
За Богом, нами поползешь,
Начнёшь у всех просить прощения,
Судья лишь Бог за прегрешения.

В России ты прожил родимой,
В семье мы жили все единой,
Нам каждый куст в стране родной,
Овеет нас всегда листвою.

И в мире счастья больше нет,
Встречаем мы с росой рассвет,
Весь мир за жизнь исколесили,
Любимей нет страны, России.

Там самый дальний уголок
Не закрывают на замок,
Там в избы двери все открыты,

Хлеб, соль, столы всегда накрыты.

Там чарку гостю поднесут,
Всегда найдут ему приют,
Вниманием, сказом обогреют,
Еду на печке разогреют.

В России гостю славой слух,
Над нами веет Русский дух,
Про край родной ему расскажем,
Все достижения покажем.

Певцы в России и поэты
Покажут гостю все сюжеты,
Как жизнь свою мы проживаем,
Как Бога, Церковь почитаем.

Отца расскажут жизнь, Царя,
Народом правит он не зря,
С Царём Россия процветает,
Гость-иностранец это знает.

У нас для всех врата открыты,
Столы все ломятся, накрыты,
Кто с миром, тем свои объятья,
А кто с войной – от нас проклятье.

Кто жизнь свою прожил с промашкой,
Тот держит камень под рубашкой,
Душа к концу уже пустая:
«Прости, Мария, нас, родная».

Я сны свои не забываю,
Нет-нет, да вновь их вспоминаю,
Они в душе всегда со мной,
Над головой – Святой родной.

Жизнь моя шла без приключений,
Шестнадцать лет одних мгновений,
Мне гражданином нужно стать,
Зелёный паспорт получать.

Нам паспорт всем даёт понять:
Ты человеком можешь стать,
А кем до паспорта мы слыли,
Тебя с рождения забыли.

Теперь вот вспомнили, отрада,
А то без паспорта засада,

На взрослый фильм нельзя сходить,
Нельзя в открытую курить.

Я в детстве пробовал курить,
Солидным мне хотелось быть,
Затяжку сделал, пострадал,
Весь двор наш хором хохотал.

Табак, куренье ненавидел,
В нём зло здоровью я увидел,
Маманя дразнит до сих пор:
«Пойдём, покурим, что ль, за двор».

А за двором был закуток,
Закурят парни там бычок,
Затем по кругу его пустят,
Кольцо из дыма вверх запустят.

Курили брошенный бычок,
Курили деда табачок,
Махру курили, самокрутку,
Зачем чихали не на шутку.

Бутылки в магазин сдадут,
И «Шипку», сигарет, возьмут,
Есть «Солнце», дорогой «Пегас» —
Те сигареты не для нас.

Куренье – в детстве баловство,
Кому-то на всю жизнь ярмо,
А кто-то воли наберётся,
От сигареты отвернётся.

Ребят тот едкий дым пленит:
Одышка, кашель и бронхит,
Из лёгких просто хрип идёт,
Курильщик юн, он не поймёт.

Отец мой жизнь свою курил,
Пришла пора, он волком взвыл:
«Зачем я гадость ту курил,
Сейчас бы я здоровым был!»

Но поздно, он уже втянулся,
Взял папиросу, затянулся,
Затем сказал: «Что за зараза,
Втянулся со второго раза».

А как в курение не втянуться,

Лишь стоит только обернуться,
Везде дымят всем напоказ,
Реклама – просто первый класс.

В кино, театре и музее,
Идёшь ли в парке по аллее,
В окно заглянешь, в ресторан,
Везде курение, дурман.

На всех работах искушение,
Места народного курения,
Начальство курит в кабинетах,
Да курят прямо на банкетах.

Идёшь ты в парк на променад,
Прохожие идут, дымят,
И мужики сидят в беседке,
В руках у них по сигаретке.

Бабуля раньше говорила:
«Россия сроду не курила,
Дурным дымить считался тон,
Дым папирос – кошмарный сон.

Из-за границы всё плохое
Везли в Россию, всё гнилое:
Сломить Россию не смогли,
Привычки вредные внесли.

Французы курят безрассудно,
Пьют англичане беспробудно,
Там немцы всем войной грозят,
Есть сказка гадких трёх утят».

Я раньше начал понимать,
Мне на курение наплевать,
Вино и водка не прельщают,
Хоть каждый третий угощает.

Я в детстве пробовал «Агдам»,
Есть запах от компостных ям,
И вкус противный, не глотнёшь,
А выпьешь, так с ума сойдёшь.

Я с мужиков беру пример,
У них напиться нет манер,
Всех на погосте поминают,
Здесь погребенье, наливают.

Вином мы горе заливаем,
Затем от этого страдаем,
Не можем с горем мы смириться,
Затем водой Святой облиться.

Да, мужикам всем наливают,
Не пьют, с собой всё забирают,
Всех неимущих поминают,
Вот мужики им наливают.

На кладбищах сухой закон,
Всем, кто копает, ясен он,
Не терпит пьянства наш погост,
Работы нашей он форпост.

Да, в жизни есть такой момент,
Прожил в стране шестнадцать лет,
Мне паспорт нужно получить,
Затем в военкомат сходить.

Там на военный встать учёт,
Стране пойдёт мой рост в зачёт,
Дадут бумагу приписную,
Хранить прикажут, как родную.

Чешу затылок, понимаю,
Где время взять на то, не знаю,
Когда в милицию пойду,
Известно дяде моему.

Учёбу нужно мне закончить,
Диплом мне, корочку, оформить,
Подумать дальше, где работать,
Чтоб денег маме заработать.

Умом своим не понимаю,
В душе своей я рассуждаю,
Зачем мне паспорт, я не знаю:
«Я что, опасность представляю?»

Я на земле, как все, родился,
Я с детства Богу поклонился,
Он взял меня на свой учёт,
Зачем в стране двойной зачёт?»

Задал я маме тот вопрос:
«Меня Христос тебе принёс,
Меня же в детстве ты крестила,
И в книге имя разместила.

В ту книгу, в церкви что хранится,
Записан всяк, кто вновь родился,
С иконкой имя подбирают,
На жизнь Крестом благословляют.

Тебя в водичку окунут,
Затем пелёночкой протрут,
На нитку крестик твой повесят,
Святым тебя твоим окрестят.

Духовное моё рождение,
Вы называете Крещение,
Завет свой с Богом заключил,
Он договор благословил.

Зачем мне паспорт, документ?
Что он – сильнее, чем Завет?
Крест на груди моё знамение,
А паспорт так, для развлечения».

Тогда мне мама рассказала,
Как паспорт в детстве получала,
В графе как делали отметку,
Нет веры, брали на заметку.

«Благонадёжность потерял,
Тебя народ наш не принял,
Да и Царю вы все служили,
Мы также это не забыли.

Нам дали паспорт, чтоб отнять,
Нельзя без паспорта бежать,
Нам паспорт – партии угода,
Без паспорта ты враг народа.

При нашем батюшке Царе,
Ещё при Первом, при Петре,
Приезжим паспорт выдавался,
Чтоб по России он не шлялся.

Чтоб он всегда был на глазу,
Не нёс в народ разбой, бузу,
Работал там, где ему скажут,
А провинился, так накажут.

Народу паспорт был не нужен,
Всегда со всеми был он дружен,
Соседа я не подведу,

Всегда мы были на виду.

Зачем нам эта граница,
У нас почище есть водица,
Всё в изобилии всегда,
Не по нутру нам их еда.

Россия вольницей была,
Сюда спешили господа
Водицы ключевой напиться,
От скверны побыстрее отмыться.

При коммунистах паспорт – кнут,
На шее нашей он хомут,
Удостоверит нашу личность,
Покажет всем аполитичность.

Да, без него нам никуда,
Пойдёшь сюда, пойдёшь туда,
Тебя везде сопровождает,
Володя Маяковский знает,

Кричал в толпе: «Я гражданин!», —
Достал из широты штанин
Всем напоказ зелёную корку,
При этом он курил махорку.

Вам срочно нужно уезжать?
Отметку в паспорт получать,
Куда, зачем и почему —
Всё интересно палачу.

Обратный держите вы путь?
Вам нужно в паспорт заглянуть,
Отметку вновь туда поставить,
С приездом власть своим поздравить.

Так ты, сыночек, не серчай,
Иди-ка паспорт получай,
Зачем дразнить тебе гусей,
Немного будь ты похитрей».

Я маме: «Хорошо», сказал,
На наш будильник указал,
Бежать мне нужно на учёбу,
Последний год и на работу.

Экзамены мне нужно сдать,
Потом диплом свой защищать,

Затем мне выберут работу,
Проявят, так сказать, заботу.

«Пока!» – я маме прокричал,
И быстро-быстро пошагал,
В храм знаний еду на метро,
Всегда в нём тесно, но светло.

Фанерка правил ниже носа,
Стою у двери, у откоса,
Мой организм ещё зевает,
Ночные сны он вспоминает.

В метро всё та же суета,
Там спор, там просто теснота,
События в мире обсуждают,
Больных в углу опохмеляют.

Да, перебрал вчера бедняга,
Сльвёт в народе он трудяга,
Не оторвался от народа,
Уснул в дверях вчера у входа.

Вчера-то было хорошо,
Все было весело, смешно,
Мозги с утра остепенались,
Глаза не полностью открылись.

А нужно телу дать толчок,
Открыли с пивом пузырьёк,
С утра бальзам от перебора,
В народе нет ему укора.

У нас традиция в народе,
Пить, песни петь всё о свободе,
Мы раньше были в кабале,
Царь нас держал в сырой земле.

В темницах, в тюрьмах нас держали,
Все время это нам внушали,
Пришли из-за границы Львы,
Свободу нам от кабалы.

Вот и поём мы о цепях,
О тюрьмах и о лагерях,
Как голодом нас всех морили,
Забыли, мы весь мир кормили.

Забыли Русские объятия,

Хлеб-соль забыли, рук запястья,
Как обнимались, целовались,
За стол садились, обедались.

А что не есть, когда так вкусно!
В России за столом уютно,
Вам в рот никто глядеть не станет,
Худым вас словом не помянет.

Столы ломились в изобилии,
У Русских нет другой идиллии,
И выпить рюмочку не грех,
За Русский быт, за наш успех.

Сегодня Русская пирушка —
Стоит в главе стола чекушка,
Стоят гранёные стаканы,
Махнул две сотки, сразу пьяный.

Салат французов оливье
Стоит в единственном числе,
Бычки в томате, сельдь в газете
Стоят под люстрой, при свете.

А в люстре лампочка одна,
Без абажура всем видна,
Банкетный стол нам освещает,
Народ на праздник прибывает.

Из мяса на столе закуски,
Колбаски ливерные скрутки,
Две тушки жареных птенцов,
Пяток солёных огурцов.

Две банки дефицитных шпрот
Стояли в масле и компот,
Паштет в тарелке из трески,
Посмотришь, взвоешь от тоски.

А ложки, вилки и тарелки,
Всё алюминиевой поделки,
По центру блюдце для бычков
Курящих дам и мужичков.

Там соль и перец в разных банках
Всегда стоят на общих пьянках,
Гостям передают по кругу,
Суют все в банку свою руку.

Ну как тут людям не напиться,
Закусок мелкая крупица,
Стоят пустые магазины,
Наутро люди все больные.

Стоит в вагоне перегар,
Его все чуют за гектар,
Давно привык к нему народ,
Он как родной нам кислород.

Вагон к перрону подошёл,
Я в вестибюль на пол сошёл,
Затем спешу на эскалатор,
Людей потока он дозатор.

Спешу в своё я заведение,
Сентябрь стоит, на загляденье,
Лист красный, жёлтый глаз ласкает,
Как жалко, что он пропадает.

На свежем воздухе тепло,
День сократился, но светло,
На улицах немногочисленно,
В витринах магазинов скудно.

Учений наше заведение,
Четыре года, как мгновение,
Дверь открываю, мне родную,
Иду не быстро в проходную.

Я поднимаюсь на этаж,
Класс, дверь открыта и пейзаж:
В плакате вождь нас всех встречает,
Недобрый взгляд наш получает.

Четыре года, каждый день,
Стоит у входа, как плетень!
Один лишь от плаката толк,
За ним есть тайный закуток.

Ребятам всем семнадцать лет,
Большого здесь секрета нет,
Грызём наук мы трудный плод,
Я младше всех на целый год.

Меня все в группе уважают,
В час ссоры, нет, не обижают,
Да парень я не промах с виду,
Не дам себя, друзей в обиду.

Наш дока пафосно заходит,
На нас, на всех с восторгом смотрит:
«Год выпуска очередной,
Расстанусь с вами я весной».

Ничуть я в жизни не жалею,
Что я учу вас и лелею,
В душе всегда вы все со мной,
Ваш выпуск для меня второй.

От вас я требовал одно,
Чтоб в жизни не было темно,
Учитесь и идите в свет,
Ум с головою паритет.

Был резким я, иной раз груб,
Ну, если ты упрям как дуб,
В мозги вам нужно всем вбивать,
Как жизнь в России проживать.

Для вас я делал всё, что мог,
Не даст соврать Господь наш Бог,
Наукам, как мог, обучил,
Да, много вам отдал я сил.

И я нисколько не жалею,
Что гнул я с вами свою шею,
Дорогу выбрали вы сами,
Всегда гордиться буду вами.

С умом по жизни вы пойдёте,
С ним счастье вы приобретёте,
Учение в пору пригодится,
И вами все начнут гордиться.

Страна Россия нам понятна,
Больна сегодня, неопрятна,
Должны мы с вами все дожить,
Болезнь в России излечить.

Лечить людей от коммунизма,
Прививку от социализма,
Фашизм в России не пройдёт,
Русь Святость вновь приобретёт.

Мы доживём до этих дней,
И будет изгнан тот злодей,
Что Русь звездой перекрестил,

Народ что наш поработил.

Мы звёзды с башен все собьём,
Орлы вновь взвеют над Кремлём,
Соборы, Храмы вновь построим,
Дорогу светлую откроем.

А этот дряхлый мавзолей,
Тот, где лежит Руси злодей,
Отправим тем, кто им гордится,
Пусть станут на него молиться.

Метлой большой всё прометём,
Всю скверну, гадость уберём,
Святой нам станет вновь водица,
Зазолотится вновь пшеница.

Мы церкви, Храмы вновь откроем,
Иконы всех Святых намолим,
Крест золотой на купола,
Россия, долго ты спала.

В Россию вновь вернётся знать,
Всем Россиянам даст понять,
У нас есть Русские традиции,
Зачем нам немцев инвестиции?

Зачем России революция?
Зачем народу конституция?
Закон есть Бога на Руси,
На шее, жизнь его неси.

Да, что-то я разговорился, —
Сказал наш дока, удивился, —
Ещё полгода вам учиться,
Успею с вами я проститься.

Сегодня, как я вам сказал,
Изучим Маркса «Капитал»,
Писал он, мучился, пыхтел,
Восполнить нужно нам пробел».

Я из-за парты поднимаюсь,
И к доке скромно обращаюсь:
«Зачем нам этот Капитал,
Он жизнь в России всю сломал».

«Садись, – сказал мне дока наш, —
Не нужен здесь нам саботаж,

В программе он у нас прописан,
Есть «Капитал», для нас написан.

Должны его мы изучить,
Принять, иль без него прожить,
Критиковать мы подождём,
Врагов мы бьём его ружьём».

Я с докой нашим согласился,
За парту сел и развалился,
Мне Маркс совсем не интересен,
Мир для него был очень тесен.

Париж, Брюссель, Берлин, Лондон
Сказали Карлу все «пardon»,
Зачем небритый им Иуда,
Где Маркс, там назревает смута.

Наш дока начал: «Капитал.
Карлуша жизнь ему отдал.
Вся информация от сброда,
От недовольного народа.

В семье он третьим народился,
Он при рождении не крестился,
Им в синагогу стилобат,
Отец еврейский адвокат.

Мамаша из семьи раввинов,
Детей степей и баргузинов,
Восточный ветер сильным был,
Обрезали, сменили пыл.

Всё проходило в синагоге,
Обряд обрезки, все в восторге,
На пользу Карлу не пошёл,
Конфуз в мозгах произошёл.

Чтоб не иметь себе заботу,
Не потерять свою работу,
Родитель веру поменял,
Немецкий лютеранин стал.

У них предательство в крови,
А вера – плюнь и разотри,
На всё способны эти люди,
Лишь бы маца была на блюде.

Теперь проблема только в том,

Как бы зашитья им тайком,
Где взять запчасть, что не хватает,
На место как пришить, кто знает?

Карлуша с детства нервным рос,
В мозгах всю жизнь царил психоз,
Искал в народе атеистов
(Журнал – «Архив» – для коммунистов).

Всю жизнь искал он справедливость,
Народ кричал ему: «Наивность!»
Исток наречия марксистов,
Союз немецких коммунистов.

Не верил Карл и в Православие,
Смотрел всю жизнь на обрезание,
Чего-то телу не хватает,
Но борода всё замещает.

От бороды он не страдает,
Карл экономит, не сбривает,
Да и причёска в стиле стога
На голове его убога.

Детей бы в школе им пугать,
Чтоб получали только пять
И не читали его труд,
Пусть в мавзолей его снесут.

Есть экономика, есть план,
А есть политика – обман,
Соединил обман и план,
Народ страны попал в капкан.

Не им написана бумага,
В семье достаток – это благо,
А если что-то не хватает,
Им государство помогает.

Нет, не должно такого быть,
Чтоб всё отнять и поделить,
Устроить равенство в народе
Не по закону о природе.

Глаз борода его закрыла,
Не видел он: природа сила,
Нет равенства на этом свете,
Да Винчи рисовал в портрете.

В душе Карлуши лишь коварство,
Не знает слова он «богатство»,
А Бог так просто не даёт,
Даёт тому, кто отдаёт,

Даёт тому, кто много знает,
Кто поле сеет и копает,
Кто учит, лечит всех людей,
Подковы гнёт для лошадей.

Бог всем даёт, кто на работе,
При детях кто и при заботе,
Он не даёт только лентяю,
По жизни грязному слюнтяю.

Богатство – значит, Бог подал,
Старался ты, себя познал,
А бедность – слово от беды,
От лени, пьянства, простоты.

Вам где-то что-то не хватает,
У Маркса это не бывает,
Пойти к соседу нужно, взять,
А не отдаст, так отобрать.

Вы работяга на работе,
Ленивый пьянствует в болоте?
Карлуша свой имеет взгляд,
Всех нужно ставить в один ряд.

Всё коммунизмом назовёт,
Всё на бумагу, в переплёт,
На деньги Энгельса издаст,
Да, тот такой же п.....т.

Все, кто трудился, богачи,
Все коммунисты, стукачи,
В народе ищут справедливость,
И жизнь становится не в милость.

В кошмарном сне может случиться
Нам коммунизмом заразиться,
Уж по Европе расползлась,
До нас зараза добралась.

И бродит призрак по Европе,
Как вошь поганая в окопе,
Косматый призрак с бородой,
Он на всю голову больной.

А эту книгу «Капитал»,
Никто так толком ни читал,
Отрывки, фразы, всё больное,
Посмотришь – зеркало кривое.

Вот на отрывках и на фразах,
На прочих разных там заразах,
Вся нечисть вышла из болота,
Кричат: «Где наша пайка, квота,

Отдайте ваши нам излишки,
Читаем фразу мы из книжки,
Голодных и рабов накормим,
Вот только равенство построим.

Не нужно нам здесь богатеев,
Кормить должны вы нас, евреев,
Работать мы все не привыкли,
Гнуть спины мы давно отвыкли.

А за евреями открыто
Подняли морды из корыта
Отходы общества и пьянь,
Всех уравнила эта рвань.

Кричат: «Всё поровну давайте,
Излишки нам свои отдайте,
А то мы смуту понесём,
До революции дойдём».

Читали Маркса «Капитал»,
Он в книге чётко описал
Всю экономику зверей,
Кто прочитал, не стал умней.

Делить всё поровну не грех,
Есть плод труда, он наш успех.
Негоже плод того труда,
Делить на пьянь и дурака!

В Европе призрак преуспел,
Он грабил всех и песни пел,
Назвали «Капитал» – марксизм,
Тракт проложил он в коммунизм.

Как пролетарии всех стран,
Объединились, Маркса план,
Так появились террористы,

Бомбисты, просто анархисты.

Один чинит в стране террор,
Бомбист нам бомбу под забор,
Про мать порядка анархист
Кричит на площади, солист.

Народ единство потерял,
Он труды Маркса прочитал,
Когда беда в народ стучится,
Карл незабвенно веселится.

Болезнь в России, как на грех,
Пошла глумиться дальше всех,
И Вова Ленин преуспел,
До революции созрел.

Вот вам и Маркса справедливость,
Народ труда его брезгливость,
Людей достатка ненавидел,
Он в жизни сам себя обидел.

А эта книжка, «Капитал»,
Убийцей для народов стал,
Сподвиг Россию к переделу,
Создал в стране у нас проблему.

Тех, кто не принял Капитал,
Карлуша мигом подровнял,
А тех, кто партию принял,
Того возвысил он, поднял.

А эту книжку, «Капитал»,
Соцсправедливостью назвал,
Хороший труд для туалета,
Трудом смывать дерьмо с клозета.

Я чушь нести здесь вам устал,
Будь проклят этот «Капитал»,
Одним лишь росчерком пера,
Знать вся в России умерла.

А этот мерзкий «Капитал»
Вождем настольной книгой стал,
Они ту книгу не читали,
С обложки пыль лишь вытирали.

В глазах от «Капитала» тьма,
Тот, кто прочёл, сошёл с ума,

Таких на свете единицы,
Лежат с контузией в больнице.

Набита книга словоблудием,
Народ дурной снабдить орудием,
Весь мир по Карлу перестроить,
Бунт, революцию устроить.

Я дам вам, дети, свой совет,
Вы не читайте тот буклет,
Жизнь без него вы проживёте,
Вы честь и совесть обретёте.

Господом Богом жизнь дана,
Её прожить должны сполна,
От жизни можно много взять,
Не нужно только всех равнять.

Не будет счастья в той семье,
Где строят жизнь по той статье,
Всем и всё поровну всегда,
В такой семье всегда беда.

В семье хозяин есть, хозяйка,
Есть дети, есть собака лайка,
Мы в жизни следуем примеру,
По возрасту всем, по размеру».

На этом дока замолчал,
Класс тишиною всех подмял,
Ребята все сидят уныло,
Нам «Капитал», как в попе шило.

«Да вон, стоит наш «Капитал», —
Я на портрет всем указал. —
Хороший Карла ученик,
Себя назвал он «большевик».

А где теория марксизма,
Всех уравнивать для коммунизма,
Что заработал – не твоё,
Да, есть у быдла их чутьё,

Всех, кто повыше, истребили,
Деревни наши разорили,
Нет, не равняли всех людей,
Ульянов навсегда злодей.

Да вы подумайте, ребята,

За что народу эта плата,
Три четверти страны убил,
Народ он Русский не любил.

Вот и равняли всех наганом,
Стреляли нас в угаре пьяном,
Имущество всё изымали,
Затем большевикам раздали.

Назвали это всё марксизмом,
Да лучше б звали онанизмом,
В штанах у Карла не хватало,
Обрезали, и стало мало.

Всю жизнь в штанах своих равнял,
Запчасть свою никто не дал,
Мозги Карлуши не дошли,
Обрезали, вот так живи.

Да этот тоже, ленинизм,
Больной его весь организм,
Детей не народила Надя,
Открыв глаза, на орган глядя.

Там так же что-то не хватало,
Да в голове ума-то мало,
Прочёл Володя Карлов труд,
Закончил и в штанах свой блуд.

Зачем России этот труд?
Всё, что нажил, всё заберут,
А пресловутый «Капитал»,
Народ под корень истреблял.

В мозгах у них в один момент
Созрел коварства документ,
В России «Капитал» закон,
Равняем всех, не слышим стон.

Всех коммунистов возвышать,
Всех беспартийных подравнять,
А кто противиться им стал,
Того губил тот «Капитал».

Над нами опыты проводят,
Нас всех, как кроликов, разводят,
Народ и партия едины,
Мы мыслью Маркса победимы.

Труд «Капитал» от прохиндея,
Сейчас жива его идея,
Нельзя Россию победить,
Идеей можно истребить».

Я высказал тираду доке,
Сидят ребята в классе в шоке,
Нас тишина с ним разделяет,
Я прав, и он об этом знает.

Наш дока с кафедры сошёл,
К моей он парте подошёл,
Его глаза в мои глядят,
Ребята все сидят, молчат.

«Ты очень много, парень, знаешь,
Мои ты взгляды разделяешь,
Ты помнишь корни славы рода,
Достоин ты любви народа».

Тут я немного загордился,
Продолжил, чуть развеселился:
«Два не побритых дурака,
Нашли в России примака.

Примак прочёл тот «Капитал»
И понял, кто их угнетал,
Излишек Русского народа,
Людей от фабрик, от завода.

У примака за Русских стыд,
Не нравился ему наш быт,
Они несут в народ своё,
Всю скверну, наглость и враньё.

Народ весь Русский нужно ссорить,
Разъединить, по росту строить,
Один кусок дать на двоих,
Подсовывать во власть своих.

Заводы, фабрики отнять,
Рабочим нужно их раздать,
Мануфактуры сдать ткачам,
Назло всем Русским богачам.

Село объединить в колхозы,
Помещикам всем кнут, угрозы,
Крестьян всех Русских в сельсовет,
От коммунистов всем привет.

Вот и народ наш подравняли,
Да пол страны поубивали,
Кто смог, уехал за границу,
Перевернул судьбы страницу.

Да эту книгу «Капитал»,
Карл недалёкий написал,
Когда читаешь, полный бред,
Иуды мерзкого завет.

Не любит гадина Россию,
Не любит он и Мать Марию,
Не любит наших всех Святых,
Не любит и людей простых.

Маркс пишет «Капитал», заветы,
Для всех Иуд на нас наветы,
Звучит куплет «Интернационала»,
Россия костью в горле стала».

Ну, слава Богу, окрестился,
Урок наш с Марксом завершился,
И дока наш легко вздохнул,
Нас добрым словом помянул.

Он обратился ко всем в класс:
«Урок, прочитанный для вас,
Вошёл в партийную программу,
Подверг я вас, страну, обману.

Я должен был его прочесть,
Не принимайте всё за лесть,
Урок прошёл как наказание,
И это вам мои признания».

Собрались выйти мы из класса,
Вдруг в дверь знакомая гримаса,
Папаха на мозгах висит,
От двери тут же он гласит:

«Все станции в стране вещают,
Взрыв террористов освещают,
У нас на станциях в метро,
Вагоны в щепки разнесло.

Давно все службы на ногах,
Бандитов ловят впопыхах,
Да как могло у нас случиться,

Чтоб терроризму зародиться!

Должны мерзавцев мы поймать,
Суду компартии предать,
Расстрел, желанный приговор,
Я сам бы расстрелял в упор.

Придётся вам здесь задержаться,
Кто хочет, на плацу размяться,
Кому разборка автомата,
Кому бросок, в руке граната».

В «Моральных» я уже писал,
Военный наш «москвич» сломал,
Водителя побил, врача,
Ему вlepили строгача.

Сидел в кутузке, выл от скуки,
Его мы взяли на поруки,
Директор зама отобрал,
Замполитчасти ему дал.

Теперь он ходит комиссаром,
Разит всё время перегаром,
Два жёлтых зуба впереди,
Значок какой-то на груди.

Папаха та же, всё с дырой,
Висит над мордою кривой,
Синяк пожизненный под глазом,
Он говорит всегда приказом.

На путь он исправления встал,
Директор всем нам так сказал,
Теперь бутылку пьёт одну,
Чтоб не пойти тотчас ко дну.

Сейчас её как раз принёс,
Сказал всем: «Капли, мол, от слёз»,
Никак простуда с глаз не сходит,
Синяк под глазом не проходит.

Здесь в банке, в масле есть снеточки,
Для глаз шикарные примочки,
Есть хлеба два куса ржаного,
Чернушки с коркой, заварного.

С утра селёдки не бывает,
Её под вечер разбирают,

Закуска к водке мировая,
Гуляй, компания лихая.

Наш дока громко нам сказал:
«Из рук вас в руки передал,
Пойду из класса я быстрее,
Не нужен мне зелёный змей».

Наш комиссар: «Куда спешить,
Людей так можно рассмешить,
Давай зайдём мы за плакат
И вспомним первый курс ребят».

«Ребят не нужно вспоминать,
Они пред нами все сидят,
Всё знание наше им даём,
По жизни вместе мы идём.

Спасибо вам за угощение,
К спиртному нет у нас стремление,
Пожалуй, я быстрее пойду,
Ведь я здесь рядышком живу».

Сказал наш дока, поклонился,
За классной дверью быстро скрылся,
А нам приказ придётся ждать,
Когда домой нам уезжать.

Зашёл военный за плакат,
Достал походный провиант,
Бутылку звонко он открыл,
Глотком большим её отпил.

Затем закусывал снетками,
Рот вытирал он рукавами,
Двумя зубами хлеб жевал,
Опять всё водкой запивал.

Выходит в класс, ко мне, к ребятам,
Икнул, чихнул, ругнулся матом:
«Откуда взялся терроризм,
Там, где царит социализм?»

Опять вояку понесло,
Кричит: «Всплывает всё дерьмо!
Смотри, в метро что учинили,
Взрывчатку, бомбу подложили.

Их нужно срочно изловить,

Все руки подлецам отбить,
На плаху, шею под топор,
А тело мрази под забор.

Удумали народ взрывать,
Свою харизму ублажать,
Дойдут до террористов руки,
Мы мать Кузьмы покажем, суки».

Потом понёс он про войну,
Не верим мы ему, вруну,
Сидим, ждём час отбой тревоге,
Военный скрылся вновь в берлоге.

Опять всё тот же ритуал,
Открыл, налил в пустой стакан,
Глотком своим опустошил,
Пахучей рыбкой закусил.

Поднялся, в сторону отошёл,
Мозгов убор слетел на пол,
Нагнулся, чтобы подобрать,
Надеть и честь себе отдать.

Поднял, надел и вновь споткнулся,
Он глазом к стулу прикоснулся,
Синяк под глазом их удел,
Он в жизни сам того хотел.

И вновь несёт он ахинею,
Биологичку вспомнил, фею,
Кричит, что мы непобедимы,
Народ и партия едины.

Сценарий наизусть мы знаем,
Поэтому уже зеваем,
Скорей бы приняли решение,
Домой пойти, а здесь мучение.

Директор заглянул к нам в класс,
Наш комиссар кричит приказ:
«Всем встать, равнение на фронт!»
Опять он честь отдал, экспромт.

Зашёл директор, сказал: «Вольно!
Сидеть здесь хватит вам, довольно,
Домой ступайте аккуратно,
Я думаю, вам всё понятно».

А сам косит на комиссара,
Амбре вдыхает от угара,
Он кулаком ему грозит:
«Опять напился, паразит».

Мне до метро недалеко,
Вступаю ровно и легко,
Спускаюсь вниз я на перрон,
Приедет, верю, мой вагон.

Я захожу пустой салон,
Подёрнул, тронулся вагон,
Я слышу звук аккордеона,
Звучит он из конца вагона.

Сажусь напротив музыканта,
Мой слух простого дилетанта,
Моя душа всё принимает,
Когда аккордеон играет.

Сидим напротив мы друг друга,
Звучит очередная fuga,
Играет музыкант и плачет,
Спросил его, что это значит?

Он молча смотрит на меня:
«Ты юноша ещё, дитя»,
А инструмент не утихает,
Рассказ ведёт, а сам играет:

«Когда-то молод был и я,
Есть музыка, моя судья,
Жена красавица, природа,
Прожили вместе мы три года.

Цветы ей каждый день дарил,
Я на руках её носил,
Все сочинения о ней,
С ней не было угрюмых дней.

Когда входила в дом она,
Свет солнца лился из окна,
Руками обнимал лицо,
Спасибо, Бог, мне повезло.

Рапсодия жизни в унисон,
Я рядом с ней, нет, нет, не сон,
Рука её в руке моей,
Она здесь рядом, счастье с ней.

Ходили вместе с ней гуляли,
О будущем своём мечтали,
Нас музыка к себе звала,
О, Боже мой, опять слеза...

Я ей стихи читал, баллады,
На сон грядущий – серенады,
Она цветок неугасимый,
Мой ангел нежный и любимый».

Сменил он фугу на прелюдию,
Аккордеон в руках – орудие,
А слёзы катятся из глаз,
Он продолжал мне свой рассказ:

«Мы ждали дочку, свет очей,
Я песню сочинил о ней,
В ней есть куплет о ждущей маме,
О дочке в беленькой панаме.

Я гладил ей живот, ласкал,
О, Боже мой, я долго ждал,
У нас появится дитя,
Любить мы будем все тебя.

И вот настал для счастья день,
На небе тучи, солнцу тень,
Значения тени не придавал,
Любовь свою я целовал.

Она подобна хризантеме,
Бриллиант чистейший в диадеме».
Марш Мендельсона заиграл,
Навзрыд под марш он зарыдал.

Моя душа уже кипит,
Да сердце жалобно стучит,
Сижу, мне жалко музыканта,
Игру души его, таланта.

Аккордеон не умолкает,
Мужчина дальше продолжает:
«Не дал с кровати я ей встать,
Взял на руки дитя и мать,

Отнёс любовь свою в роддом,
И вспомнил тучи за окном,
Душа тревожно трепетала,

Мою голубку провожала».

И вновь ручьём слеза из глаза,
А с губ слетает смерти фраза:
«Свою любовь не уберёт,
Достался мне её цветок.

Большое горе, счастья мала,
Кулёк сестра мне отдавала,
Главврач сказал мне: «Вы молитесь,
И с дочкой в церкви окреститесь.

Поверьте мне, она над нами,
У нас висит над головами,
И радость ей и утешение,
У вас в руках её знамение».

Я к небу голову поднял,
И тучи вновь я увидал,
Им утром не придал значения,
На небе – Крест, моё видение.

Голубка кружится над нами,
Пелёнку я залил слезами,
Любви наш круг разъединился,
Голубкой ввысь он устремился.

Любовь и счастье хоронил,
А дочку здесь же окрестил,
Цветок остался от любимой,
Он станет, как она, красивым».

Детей мелодия звучит,
Рука маэстро чуть дрожит,
Слеза с лица его не сходит,
Он разговор опять заводит:

«А дочка, вылитая мама,
Все ножки в складочку, румяна,
Глаза небесной красоты,
Не ручки, белые цветы.

Она от мамы мне, цветочек,
В руках моих сопит кулёчек,
Моё он счастье, мне и горе», —
Звучит аккордеон в мажоре.

Его басы звучат, играют,
Людскую душу провожают:

«Да если б не было цветка,
За ней помчался в облака,

В руках держу её создание,
Я вспомнил первое свидание,
К губам как губы прикоснулись,
Святые в небе улыбнулись.

О горе нужно мне забыть,
Цветочек надо мне растить,
Он мне напомнит мою паву,
А музыка заменит маму.

Ночами маялся, не спал,
В болезнях дочке помогал,
Мне радость первые шаги,
Святая Мать, мне помоги.

Вот первый шаг, а вот второй,
Глядит, где мама за спиной,
Опоры нет, она не знает,
Что мама в облаках летает.

А шаг от этого всё твёрже,
Я стал к себе на много строже,
Один я ей отец и мать,
Мне нужно дочку поднимать».

И вновь звучит аккордеон,
Маэстро в шоке, потрясён:
«В четыре года дочь запела,
Жаль, мать услышать не успела.

В ней голос ангела звучит,
Поёт дочь так, что всё молчит,
Святой с небес ей подпевает,
Талантом дочь не обделяет.

Мирей Матье к нам приезжала,
В концерте дочку услышала:
«Что там за Русский соловей
Поёт в кругу, среди детей!

Эдит Пиаф так в детстве пела,
Весь мир со славой облетела,
Ребёнок, Бога дарование,
Поёт, теряешься в сознании».

Притих в рассказе мой маэстро,

Аккордеон, как звук оркестра
Шансон французов вторит нам,
Падам, падам, падам, пам, пам...

Глаз от меня не отрывал,
Минуты три шансон играл,
Затем сошёл он на фальцет:
«А сколько, мальчик, тебе лет?»

«Шестнадцать», – отвечаю я.
«Да ты такое же дитя,
Как мой раскрывшийся цветочек...
Последний для неё денёчек.

Сегодня утром рано встал,
Я завтрак ей на стол подал,
Собрал ей ноты на занятия,
Расцеловал, забрал в объятия.

Я посмотрел затем в окно,
Там тучей свет заволокло,
На улице почти темно.
Спешила дочь моя в метро:

Я не придал тому значения,
Закон несчастья, повторение,
Святой меня предупредил,
Я чуть его опередил.

Сегодня я давал концерт,
Оркестр наш – всего квартет,
Наш номер объявил оратор,
Меня позвал администратор.

Артисты слёзы не скрывают,
Платками лица прикрывают:
«Там взрыв в метро, там террористы, —
Опять рыдают все артисты.

Там дочка ваша, в том вагоне!
Лежат останки на перроне,
Её по нотам опознали,
Весть нам тревожную прислали».

От слов таких оторопел,
На пол, на каменный, присел,
Ушла жена, забрали дочь,
Кто может мне сейчас помочь...

Я вспомнил тучу, вспомнил свет,
Завял цветочков мой букет,
За что мне смерть и наказания,
За что такие испытания?

Я побежал тогда в метро,
Там света не было, темно,
Меня к цветочку не пустили,
На власть кричал, мне всё простили.

Выходит снизу офицер,
Ко мне подходит, за барьер,
Выносит платяца кусочек:
«Храни от дочки лоскуточек.

Взорвали бомбу рядом с ней,
Нет больше тел от тех людей,
Один лишь платяца кусочек,
Нашёл в вагоне уголочек.

Как с горем вам сейчас смириться!
Как с дочкой вам родной проститься!
А с этим нужно дальше жить,
Ведь жизнью нужно дорожить».

Мне нужно дочку хоронить,
С женой в могиле разместить,
Как мне всё это пережить,
Теперь кем в жизни дорожить!»

Слеза бежит, не прекращает,
Аккордеон звучит, играет,
От звуков нот как не заплакать,
Утёр глаза, под ними слякоть.

Нас в заведении держали,
Одних в метро не отпускали,
Подонки в жизни, террористы,
Взрыв учинили нам фашисты.

Подходит к станции вагон:
«Давайте выйдем на перрон,
Я вам с погостом помогу,
Пойдёмте быстро к мужику».

И вновь дорога через Храм,
Всегда поклон ему отдам,
Сидит на лавочке мужик,
Меня он ждёт, уже привык.

С ним поздоровался, обнялся:
«Есть разговор, – ему признался, —
Привёл с собой я музыканта,
Различных премий конкурсанта.

Разбитый горем он, растерян
И в жизни навсегда потерян,
Взорвали доченьку в метро,
Несчастьем свет заволокло.

Должны мы все ему помочь,
Чтоб с Богом проводил он дочь,
Цветочек юного таланта,
Потеря в жизни музыканта».

Меня мужик опять обнял:
«Когда-то я тебя принял,
В работе ты всегда послушный,
К беде чужой равнодушный».

На паперти стоит, при Храме,
Поёт молитву Святой Маме,
Наш музыкант встал на колени,
Чтоб девочек там обогрели.

Сердечко ноет и болит.
Тогда мужик мне говорит:
«Я знаю аккордеониста,
Народного в Москве артиста,

В неделю раз он к нам приходит,
К нам поздороваться подходит,
Цветы несёт своей любимой,
Стихи читает ей, родимой.

И так шестнадцать лет подряд,
Не нарушал он свой обряд,
Приходит он на наш погост,
В любви нельзя разрушить мост.

Всё время к нам он подходил,
Играл, застенчиво шутил,
А разговоры всё о ней,
О ней, журавушке своей.

Конечно, мы ему поможем,
Тропинку доченьке проложим,
Мы упокоим её тело,

Душа-то сразу улетела».

Мы подзываем музыканта,
Обнял он мужика, как брата.
«Узнал, узнал тебя пригожий,
Напарник твой – пацан хороший.

От горя никому не скрыться,
Ваш опыт всем нам пригодится», —
Он вновь рыдал не напоказ,
Мужик протёр платком свой глаз.

«Давайте в руки себя брать,
Нам нужно вечером копать,
Пойдём, проведем Марата,
Всегда он нам заменит брата».

Сказал мужик, перекрестился,
В основу Храма поклонился,
Я также вместе с ним поклон:
«Давай возьму аккордеон».

Пошли мы вдоль аллеи парка,
А из кустов кричит цесарка,
Марат встречает у калитки:
«Что загрустили, где улыбки?»

К нему в павильон заходим,
Глаз с музыканта мы не сводим:
«Сегодня горе, террористы,
Метро взорвали, гуманисты.

Гуманность этих лже-людей,
Коварство хищников, зверей,
Не могут драться в лобовую,
Исподтишка нам смерть кривую.

Взорвали дочку музыканта,
Лишили родину таланта,
С ним нужно нам поговорить,
Ребёнка нужно хоронить».

«Давай, садитесь-ка обедать,
Вы суп должны грибной отведать,
Жаркое, мясо с помидором,
Потом займётесь разговором».

Маэстро отказался кушать:
«Играть я буду и вас слушать,

Не лезет в горло мне кусок», —
Протяжно прозвучал басок.

Мы тихо, молча стали кушать,
Решили инструмент послушать,
Он реквием нам выдаёт,
Душа внутри его ревёт.

Затем Огинский, полонез,
Звучит нам траурно в довес,
Сидим, жуём, всё понимаем,
Что говорить ему, не знаем.

Игру маэстро наш прервал,
Сказал: «Всю жизнь свою страдал,
Прошу, ребята, помогите,
Родную дочку схороните.

Всю жизнь я буду вам обязан,
К погосту навсегда привязан,
Я день и ночь там буду с вами,
Вы загордитесь мною сами.

Я до конца останусь с ними,
С девчонками, навек родными,
За всех я стану там страдать,
Зачем мне для живых играть.

Талант отдал свой на помосте,
Играть я буду на погосте,
За здравие сюда пришедших,
За упокой от нас ушедших».

Марат второе нам подал,
«Спасибо» я ему сказал,
Мужик кивает головой:
«И от меня поклон земной».

Марат «Цавт танем» нам сказал:
«Я боль души вашей забрал,
Всегда в беде я буду с вами,
На небе все гордятся нами.

Артисту нужно нам помочь,
Пусть мама встретит свою дочь,
Беда нас всех объединяет,
А где чьё место, каждый знает».

Наш музыкант со стула встал,

Поклон, «спасибо» всем сказал:
«Один на свете я остался», —
Как будто в чём-то нам признался.

Разлил Марат нам всем компот:
«Да, террористы просто скот,
Людей живых они взрывают,
Бандеру нам напоминают.

Их нужно срочно всех поймать,
На суд народный мразь отдать,
Гореть в аду им тысячу лет,
Не нужен на Земле их след».

Обед отведали, как вкусно,
Марат готовит всё искусно,
Ему «спасибо» говорим,
Поклоны в пояс отдадим.

Марат нам чай и провиант.
«Поедем с нами, музыкант, —
Сказал ему мужик-наставник, —
Там на погосте свой начальник.

Мы быстро с ним договоримся,
В бригаду все объединимся,
Все вместе мы пойдём за гробом,
Проводим дочку вашу с Богом.

Найдёт у нас она покой,
Положим к мамочке родной,
Она, её любя, разбудит,
Вдвоём им хорошо там будет.

Марат троих нас проводил,
На рейс в автобус посадил,
Подавал он мне аккордеон,
Ему опять земной поклон.

Приехали на наш погост,
Мы видим милицейский пост,
Начальник нас зовёт в контору,
Всех посетителей к забору.

Нам музыкант тогда сказал,
На вход погоста указал:
«Ступайте вы сейчас в контору,
Я буду ждать вас до упору».

Зашли в контору, там собрание,
Мужик в костюме, так, название:
«Я дам сейчас вам всем задание,
Родимой власти указание.

У вас на завтра спецзаказ,
Погост оцепим напоказ,
Что будет здесь, всем позабыть,
И рты всем на замки закрыть.

Инструктаж среди вас провёл,
Вам пожелания довёл
От первых лиц Страны Советов,
Для нас важнее нет декретов».

Послушали мы этот бред,
Дурней советов для нас нет,
Что могут хоронить в секрете,
Все знают в комполитсовете.

Народу много за забором,
Наш музыкант стоит дозором,
Бойтся нас он упустить,
А мы к начальнику, просить.

Начальник кладбища хороший,
Не просто так здесь нам прохожий,
Он справедливый в этой жизни,
Привыкший к каждодневной тризне.

Мы с музыкантом объяснились,
Сказали, что договорились:
«Проводим завтра вашу дочку,
К Кресту положим по цветочку,

Когда вы дочку привезёте,
Меня на кладбище найдёте, —
Сказал мужик и мой наставник.
К нам подошёл его начальник:

«Да, что сказать вам в утешение,
Есть жизнь, погост ей завершение,
Устроим дочке отпевание,
Священник будет на прощание.

Поставим Крест, зажжём по свечке
Невинной беленькой овечке,
Ребёнок, рано убиенный,
Всегда останется блаженный.

Там песни будут петь жалейки,
Мы не возьмём с вас ни копейки,
Наш труд пусть станет в горе долей,
И это будет нашей волей.

Пусть ваше горе нашим станет,
Пусть Господь Бог её помянет,
Всех к себе примет наш погост,
Есть длинный и короткий мост».

Дурные мысли гоню прочь,
Работа может мне помочь,
Чтоб утром совершить обряд,
Нам вечером дают наряд.

Наряд: могилы нам копать,
Ям на двоих рыть нужно пять,
Отрыть, разгладить, разровнять.
«Пошли лопаты получать, —

Сказал мужик мне, улыбнулся,
От мыслей я дурных очнулся,
Лопаты вмиг мы получили,
Рыть на погост мы поспешили.

А музыкант идёт за нами,
Все щёки залиты слезами:
«Я вам ничем не помешаю,
В сторонке сяду, поиграю.

И вам копать сподручней будет,
Пусть Бах на кладбище пребудет,
Для мёртвых фуги пусть звучат,
Они нас слушают, молчат».

Под звуки музыки копаем,
Мы землю в кучу собираем,
Так легче будет засыпать,
На крышку гроба землю класть.

По две мы быстро откопали,
Аккордеон пел Страдивари,
По кружкам чаю мы разлили,
Маэстро также предложили.

Мы сели друг напротив друга,
В работе есть пример досуга,
Мужик пьёт чай и говорит,

В руке чай с кружкой дрожит:

«Я видел бед в стране немало,
Их меньше, верьте мне, не стало,
Когда всё поровну делили,
Тогда народ разъединили.

Один работает, батрачит,
Другой пьёт водку, нос свой прячет,
А благо поровну на всех,
Зачем в трудах ему успех?

Мы раньше все в достатке жили,
Отчизну, Мать свою, любили,
Её богатство умножали,
Детей для лавочки рожали.

Детей своих мы всех любили,
Всех одевали и кормили,
Давали им образование,
Для них работа, как призвание.

Мы на работу все молились,
Всегда работой той гордились,
Она достаток нам в семью,
Ребёнка вновь к нам на скамью.

Всем миром праздник отмечали,
Все пили, ели и плясали,
И стар и млад, все за столом,
Не пили раньше за углом.

Все в Бога верили, крестились,
На старших просто мы молились,
Всегда они в почёте были,
Мы про больных не позабыли.

Страна Россия меценатов,
Простых людей, людей магнатов,
Со всех мы средства собираем,
Больных мы лечим, умиляем.

А в армии простой солдат,
Обут, одет и трезвый взгляд,
России – Матери он служит,
О за границе он не тужит.

А если он в бою убит,
Народ о нём всегда скорбит,

В честь Храм поставят и часовню,
Все будут слышать колокольную.

Мы помним нашего героя,
Он спас страну от мордобоя,
Их семьям слава и почёт,
Они у нас наперечёт.

Царь Александр, реформатор,
Для коммунистов – узурпатор,
Крестьян он всех раскрепостил,
Дал волю им, освободил.

Народ в деревне не простой,
Для нас, наш барин, всем родной,
Раскрепощаться не хотим,
Мы барина не предадим.

И заводские все ребята,
У них хорошая оплата,
Зачем начальника свергать,
Он нам отец и сразу мать.

Но появились паразиты,
Подонки, пьяные бандиты,
Идеям их наперекор
Давай нести в народ террор.

Деревню спящую сожгут,
В колодцы яду нам нальют,
Убьют в участке постового,
Царя взорвут, нам всем родного.

Ну, вот скажите мне, за что,
Кипит в мозгах у них дерьмо,
Идею их нельзя принять,
Давай народ взрывать, стрелять.

Террор во благо не бывает,
Людей невинных убивает,
Есть подлость, нет её размера,
Детей, убийцы изувера.

Мы в лагерях не убивали,
Друг друга мы там не взрывали,
Там хлеба корочку на всех
Припрятал, так огромный грех.

Там на этапе зек упал,

Кто сзади шёл, его поднял,
Порука всех для выживания,
Другого не было сознания.

Народ никак не мог понять,
Зачем Царей взрывать, стрелять,
Зачем мы жизнь свою меняем,
Мы до сих пор не понимаем.

Мысль сумасброда, террориста
Подобна жизни афериста,
Желание нужно воплотить,
Людей десятка два убить.

Его возмездие настигнет,
С небес всё сверху Бог наш видит,
Он будет проклят всем народом,
Все станут звать его уродом.

Чай с провиантом мы допили,
Марата вслух благодарили:
«Пойдём последнюю копать,
Маэстро будет в такт играть».

Об кружки руки мы погрели,
Мы яму вмиг преодолели:
«Пойдём, лопаты нужно сдать,
Должны маэстро мы позвать».

Лопаты быстренько мы сдали,
В конторе денежки нам дали.
«Пойдём с тобой на остановку,
Пришёл автобус на парковку, —

Сказал мужик. — Он молодой,
Ему давно пора домой,
Не спит мать, ждёт сынка с работы,
Совсем не детские заботы».

Наш музыкант с ним согласился,
И вновь слезами он залился:
«Для доченьки моей могилу,
Рыл мальчик, не жалея силу,

Пусть счастлив будет за двоих,
Детей же нет у нас чужих,
Я каждый день здесь буду с ней
Молиться до последних дней».

На остановке мы обнялись,
С тяжелым сердцем попрощались,
Мужик маэстро провожал,
Я вслед рукой двоим махал.

Домой приехал, выхожу,
В подъезд родной свой захожу,
Соседи так же всё дымят,
Их лица на меня глядят.

У двери мама меня ждёт,
Обняла, слезы тихо льёт:
«Вернулся мальчик мой домой,
В метро чинили всем разбой.

Сказали, бомбу там взорвали,
Милиции в метро нагнали,
Затем нам диктор объявил,
Убитых нет, нас удивил.

Я у подъезда всё сидела,
Глаза свои все проглядела,
Соседи также своих ждут,
Дай Бог, они домой придут».

Домой зашёл, почистил брюки,
Кричит мне мать: «Мой с мылом руки,
И быстренько за стол садись,
Перед едой перекрестись».

Достал я деньги, ей отдал,
И вспомнил Маркса «Капитал»,
Она в карман их убирает,
Глаза платочком утирает.

В душе её я понимаю,
Своё внимание обращаю:
«Не нужно слёзы лить напрасно,
Ведь я работал – это ясно».

Ем суп харчо, ох, как же вкусно,
Вдвоём мы с мамой, нам уютно:
«Как день прошёл, мне Расскажи,
Минутой каждой дорожи».

На супчик дую, на харчо,
Нагрелся очень горячо,
Язык свой я чуть не обжёг,
Но с мамой начал диалог:

«Наш дока прочитал нам тему,
Озвучил нашу он проблему,
Еврей немецкий, недоумок,
Залез в чужой карман, придурок.

Состряпал труд свой «Капитал»,
Читал наш дока, в пол плевал,
Финансовый отчёт гласит,
Жить должен сыто паразит.

Он предложил всех уравнивать,
А значит, у людей отнять,
Раздать всем бедным и голодным,
А то ты станешь не угодным.

Всю жизнь свою труду отдал,
Кому он нужен, «Капитал»,
Хороший труд для туалета,
Кормить очко внутри клозета.

За бедных Карл и за голодных,
А в благодарность труд в уборных,
Сидел, прочёл и впал в экстаз,
Затем всю книгу в унитаза.

Теперь-то по Европе бродит,
Убогий призрака находит,
Выносят труд на ассамблею,
Читают хором ахинею.

Затем дискуссию откроют,
Царю и свите кости моют,
Да хватит им всем жировать,
Пора начать их убивать.

Там заговор чинят, там смуту,
Им не сидится ни минуты,
Когда чужое здесь и рядом,
Убийство стало их обрядом.

Карлуша Маркс своим балансом,
Снял кандалы с рук всем засранцам,
Настроен ум у них отнять,
Убить, взорвать и закопать».

«Давай поешь, харчо остыло,
Ты видишь, Карл урод, страшило,
Детей им впору всех пугать,

Чтоб вовремя ложились спать.

Приснится ночью истукан,
Не бритый, форменный баран,
На голове чёрт знает что,
Копна волос, как помело», —

Негромко мама мне сказала,
На хлеб мне пальцем указала.
«Возьми кусочек, с хлебом кушай,
Про сволочь эту ты не слушай.

Да этот непонятный Карл
Сам «Капитала» не читал,
Одни в работе афоризмы,
А в голове Карлуши «измы».

Есть брат «марксизм», есть «ленинизм»,
Есть брат «фашизм» и «коммунизм»,
Оттуда все, из «Капитала»,
Одна на свет их мать рожала.

Иудина, видать, порода,
Травить людей в слоях народа,
Им не дано спокойно жить,
Страной не нужно дорожить.

Зачем спокойствие в стране,
Треть населения в тюрьме,
За то, что ты не поделился,
Ты кровушкой своей умылся.

Ты детям хлебушка припас —
Петлю на шею напоказ,
Излишки ты свои не сдал —
Прям здесь же, у дверей, упал.

Забьют прикладами, ногами,
Затем объявят всех врагами,
На суд без чести поведут,
«Пожизненно» тебе дадут.

Зачем в стране народ равнять,
Зачем себя им возвышать,
Напишут в книге хренотень,
Прочтёшь, получишь бюллетень».

«Как мужики, как там погост,
Наверно он землёй прирос,

Слабеют наши ветераны,
В душе тревога, в теле раны», —

Спросила мама вновь меня,
Чуть ниже голову склоня.
Я пью чаёк и рассуждаю,
Вновь музыканта вспоминаю:

«В метро я встретил музыканта,
По мне, так редкого таланта,
Звучал в метро аккордеон,
Маэстро плакал в унисон.

Он рассказал мне про супругу,
Про верную ему подругу,
Про смерть при родах рассказал,
Как с дочкой маму провожал.

Он рассказал про воспитание,
Ведь дочка нежное создание,
Про голос, про Эдит Пиаф,
Мирей Матье прекрасный нрав.

Он рассказал, как провожал,
Как ноты он её держал,
Обнял он дочь, поцеловал,
Её он больше не видал.

Взорвали гады-террористы,
В метро. Проклятые фашисты!
Он сильно плакал, но играл,
Аккордеон в руках держал.

Отвел его тогда к Марату,
Слова Марат сказал, как брату,
Держаться нужно, дальше жить,
Ведь жизнью нужно дорожить.

Затем мужик наш подошёл,
Слов утешения не нашёл,
Хлебнул он в этой жизни горе,
Нет жалких слов в его наборе.

Мужик наш знает музыканта,
Он знает стать его таланта,
Супругу часто навещает,
Аккордеон звучит, играет.

Для нас вопрос, конечно, прост,

Маэстро взяли на погост,
Чтоб дочку рядом с мамой класть,
Добро начальник должен дать.

А на погосте многолюдно,
Убиты горем абсолютно,
Людей в контору не пускают,
В ней спецзадание читают.

Всем языки да за зубами,
С закрытыми ходить всем ртами,
Не нужно много говорить,
А то ведь могут посадить.

Людей в метро полно взорвали,
Всех мёртвых сразу в морг забрали,
Всех покалеченных в больницы,
Везут машины, вереницы».

Мне мама говорит: «Постой,
Сыночек мой ты дорогой,
Мне в телевизоре сказали,
Без жертв, серьёзно утверждали.

Так значит, нам опять всем врут,
Красноречиво, подло лгут,
На мельницу чью воду льют,
Своих родных домой все ждут.

И у меня в груди тревога,
Нет, нет, да попрошу у Бога,
Чтоб ты домой быстрее вернулся,
Покушал, маме улыбнулся.

Да, паразиты наша власть,
Искусно могут людям врать,
От разума в мозгах больного,
Нет ничего у них Святого.

Давай ложиться, сын мой, спать,
Да надо ж было так соврать, —
Опять ворчит на кухне мама, —
В стране опять случилась драма».

Я на кровати взбил подушку,
В ночи мне верную подружку,
Мой сон со мною принимает,
Здесь радость, там переживает.

К ней только голову поднёс,
И вижу, вновь стоит Христос,
Иду к нему я через мост,
Внизу стоит родной погост.

Ему поклоны я отбил,
Лоб, чрево, плечи окрестил,
Меня с любовью Он обнял:
«Стою, тебя жду», – мне сказал.

«Ну, как дела, как настроение,
Успехи как твои в учении,
Как на работе успеваешь,
Родных людей не обижаешь?»

«Все хорошо, – я отвечаю, —
Я Вас частенько вспоминаю,
В душе я Вас всегда храню,
И каждый день благодарю.

Учение Ваше постигаю,
О будущем своём мечтаю,
Нет, никого не обижаю,
Ошибки быстро исправляю.

Ваш амулет всегда со мной,
На шее, как и я, живой,
В беде и горе утешает,
Случится радость, он сияет».

«Ты, мальчик мой, ещё подрос,
Задам тебе сейчас вопрос:
Как видишь ты людей создание,
Какое в жизни мироздание?»

«Вопрос, конечно, не простой,
Тут думать нужно головой,
Но я попробую ответить,
Вы Бог, должны Вы нас всех метить.

Отметка Бога – достояние,
Для человека есть избрание,
В народе есть одно поверье,
Отметка Бога, как доверие.

Родился новый человек,
Пометил Бог на целый век,
Затем душа в него вселилась,
Сердечко в теле вновь забилося.

Душа энергию даёт,
С ней тело наше оживёт,
Кровь потечёт, забьётся сердце,
Слеза из глаз на полотенце.

Сначала мамино кормление,
К её груди у вас стремление,
Грудь – это детское питание,
Начало даст вам, воспитание.

Чтоб до груди её добраться,
Ребёнку нужно постараться,
Немного силы применить,
За грудь ладошками схватить.

Когда дитя вновь народится,
С кем грудью должен он делиться,
Ведь мама мучилась, рожала,
Свою работу выполняла.

Я с детства всем даю понять,
Нельзя никак ничто равнять,
Кому-то больше молока,
А для кого-то грудь мала.

Нет одинаковых людей,
Росли, как могут, от детей,
И чтоб их всех нам уравнять,
Должны мы что-то оторвать.

Родился новый человек,
Дано чело ему навек,
Макушка маминой спирали,
Вторую предки ему дали.

Там в голове его сознание,
Часть материнского питания,
Есть голова, так нужно думать,
Жизнь начинать, её обдумать.

Сознание – это покаяние
Ума, поступка, наказание,
А сожаление, как факт,
С сознанием играет в такт.

Мы сознаём, что согрешили,
Мы сознаём, что не любили,
Играли на чужом сознании,

Сдержат не можем обещания.

Мы сознаём, что обижали,
Мы сознаём, что недодали
Частичку собственной души,
А это наши малыши.

Мы сознаём, что изменяли,
От совести своей бежали,
Мы сознаём, что не смогли,
Подать вам вовремя руки.

Мы сознаём, что промолчали,
Что правду в жизни растоптали,
Мы сознаём, что нет пути,
Куда без правды нам идти.

Мы сознаём, забыли Веру,
Ломали Храмы мы, к примеру,
Забыли мы своих Святых,
Мы позабыли о родных.

Мы сознаём, что Вас хулили,
Про Бога мы совсем забыли,
Забыли и Святую Мать,
Мы сознаём, что стали врать.

Сознание, так сказать, прозрение,
Мольба за наши прегрешения,
Мы в жизни много натворили,
Самих себя мы лишь любили.

А мироздание – это Бог,
Он жизнь нам дал, земле помог,
Мир сотворил, построил дом,
Теперь живём мы в доме том.

А в доме должен быть достаток,
Есть руки, пальцев там десяток,
Живите в доме вы богато,
Для всех творите, всем во благо.

Ты благо в дом свой отнесёшь,
Домашним благом жизнь даёшь,
Ты благом дом свой освятишь,
Глядишь, появится малыш.

А благо кровное, родное,
Оно у всех людей Святое,

Ты труд потратил и умение,
На благо вашего творения.

Оно твоё, ты сотворил,
Отдал ты очень много сил,
Оно тебе принадлежит,
Семье твоей улучшит быт.

Позвольте Вам теперь решать,
Как благо то распределять,
Себе оставить и родным,
Отдать всё детям, иль больным.

Нельзя то благо отобрать,
Нельзя его и подравнять,
В рай ты не въедешь на чужом,
Всегда ты будешь при своём».

Меня послушал мой Святой,
И вновь сказал мне: «Мой родной,
Ты юн, но многое прошёл,
Ты в жизни истину нашёл.

Ты с ней пройдёшь прекрасный путь,
Она с пути не даст свернуть,
Все преступления, наказания,
Идут от тела, воспитания.

Никак нельзя чужого брать,
Тем более его равнять,
Возьми любое преступление,
Оно идёт от искушения.

Убил, ограбил, оскорбил,
Ты взятку взял, честь уронил,
Залез в карман, иль дом чужой,
На улицах творишь разбой,

Ты изнасиловал девчонку,
Предал любимую сторонку,
Соседей ты оговорил,
Ты бомбу людям подложил,

Ты не работаешь, ты пьёшь,
Скажи, где деньги ты берёшь,
Залез в чужой ты огород,
Опять ты обманул народ,

Ты анонимку написал,

Сосед от этого страдал,
Ты взял и дом ему спалил,
Опять себе ты угодил,

Раскрыл опять ты свой роток,
Нет не на свой, чужой кусок,
Вот и вынашиваешь план,
Как сотворить опять обман,

Ты подбиваешь свой народ,
Отнять и скушать чужой плод,
Из уст ругательства и брань,
А сам ничтожество и рвань.

Мои заветы он не чтит,
Народ свой грабил, все делил,
Лень он в народе воспитал,
Отсюда книга «Капитал».

Есть общий коллективный труд,
Плод от него всем раздадут,
Разделят всем, кто как работал,
Дадут всё то, что заработал.

Есть человек, себе хозяин,
Простой рабочий или барин,
Есть трудолюбие и лень,
Есть дерево, есть просто пень.

Зачем вам поровну делить,
В России можно всем прожить,
Немного нужно потрудиться,
И вами все начнут гордиться.

А этот старый баламут,
Что написал иудин труд,
Всю жизнь свою привык лениться,
Не знал он даже, как побриться.

А кто прочёл тот «Капитал»,
Тот мозг и разум подорвал,
Тот не видал даров природы,
Тот Шариков, его породы.

Давай, пройдемся по России,
Ты посмотри, поля какие,
Какие дивные леса,
Куда взгляд кинешь, чудеса.

Моря, озера-то какие,
Глазурью реки наливные,
Проток, ручей и тот бежит,
Он каждой рыбкой дорожит.

В полях пшеничка колосится,
Ячмень к земле давно клонится,
Подсолнухи, в глазах рябит,
Вон маков бастион стоит.

Коровы сотнями гуляют,
Стада под вечер загоняют,
Там молоко рекой течёт,
Дитя его парное пьёт.

Ты посмотри, какие избы,
Там у людей, у всех харизмы,
Лес пилят, сушат и строгают,
Там черенки затем сажают.

Ты дерево для нужд спилил,
Жизнь дереву ты погубил,
Ты посади на корне два,
Пусть поднимается листва.

Ты от природы что-то взял,
Ты Бога дар себе забрал,
Как повелось на всей Руси,
Всё нужно воспроизвести.

Нам от природы нужно взять,
В двойном размере нужно дать,
Одно ты дерево спилил,
Два тут же здесь и посадил.

Ты посмотри на Русский быт,
Стоит деревня, монолит,
Есть двор бедней, а есть богаче,
Для вас, людей, что это значит?

Есть человек, он лидер с детства,
Та роль далась ему в наследство,
А лидер – он руководитель,
Есть человек, он исполнитель.

Есть инженер, а есть рабочий,
Для них работник есть подсобный,
Есть пахарь в поле, есть и жнец,
Есть также в кузнеце кузнец.

У всех почётная работа,
У них о людях есть забота,
Есть благодарность от людей,
Есть двор богаче, есть бедней.

Есть подзаборные деляги,
В народе их зовут бедняги,
Работа их не привлекает,
А чувство зависти их манит.

У них помойка в головах,
Нет груза и на их плечах,
Нет жилы в теле деловой,
Мечта – оплата за пропой.

У них мечта, как бы украсть,
Амбар чужой как поломать,
Забрать, с соседом разделить
И на помойке мирно жить.

Когда пьянь прекращает пить,
Идея мозг начнёт давить,
Как так, им всё, нам ничего,
Скорее дайте мне перо.

Вот так родился «Капитал»,
Европу всю он подравнял,
В России бунт, переворот,
От Бога, Храма отворот.

А Карл, проклятый ортодокс,
Был бедным – это парадокс,
Нет денег, труд не дописал,
Народ дерьмо не дочитал.

Косматый, не пойми он чей,
То ль православный, то ль иудей,
Пришёл с идеями в народ,
Он разбудил весь пьяный сброд.

Все призраком его зовут,
В простом народе баламут,
Душа с земли не улетает,
Его мой дух не принимает.

В России есть для всех достаток,
Имеешь благо, есть остаток,
Для будущих своих детей

Равнять не нужно всех людей.

Ты юн ещё, мой милый раб,
В Европе есть ещё сатрап,
Людей всех в партии сбивает,
Тем самым их разъединяет.

А Русский весь народ единый,
От всех отличен он, красивый,
Глаза небесной красоты,
Не знал он бед и нищеты.

Всегда вольготно он трудился,
Затем мне, Богу, он молился,
Святую Мать все вспоминали,
Своих героев поминали.

Кричим пословицу из слов,
Есть лавка, семеро голов,
Все сыты, хорошо одеты,
России добрые приметы.

У нас детьми семья гордилась,
Девятой дочка народилась,
За всеми ними есть уход,
Хорошим был в семье доход.

В семье работал лишь один,
Любимый муж, он господин,
Пришёл домой, закрыл дела,
Детей ватага обняла.

Затем жена его обнимет,
В свои объятия мужа примет,
И жаркий в щёки поцелуй,
Кричит ребёнку: «Не балуй».

Он самый младший, он любимец,
Кричит папане: «Где гостинец?»
Тогда мужик с скамьи привстал,
Мешок с гостинцами достал.

Кому свисток, кому игрушку,
Кому волчок, кому петрушку,
Кому из кубиков лото,
Кому с конями домино.

Всем сёстрам серьги с бирюзой,
Платок супруге расписной,

На руку ей одел браслет,
Малому конь – велосипед.

Дом превратился в игротеку,
Кто старше, младших взял в опеку,
Девчонки маме помогают,
На стол посуду расставляют.

Хозяин наш пришёл с работы,
У мамы хлопоты, заботы,
Его, детей всех накормить,
Всех обласкать и ублажить.

Семейный стол всегда богатый,
Сидит дедуля бородатый,
Бабуля рядом с малышами,
Стол накрывают сестры сами.

А средь стола компот для всех,
Хозяйке каждый день успех,
Большой чан с супом на грибах,
Румянец, блеск на пирогах.

Там котелок стоит с картошкой,
Кастрюля с вкусною окрошкой,
Там каша гречка рассыпная,
С горчичкой, вкусная такая.

Стоит там крынка с молоком,
Топлёное, ещё с дымком,
Творог отстёгнутый висит,
Сметанка в мисочке стоит.

Баранок, бубликов там связка,
На пряниках глазурь, замазка,
Лежат в корзинках калачи,
Здесь с пылу-жару из печи.

Там есть мясное отбивное,
Коровье мясо иль свиное,
Котлеты, есть там и солянка,
Стоит и пышет запеканка.

Все собрались, затем все встали,
Глаза на дедушку подняли,
А деда взор ко Мне стремится,
Перед едой всем помолиться.

За ним родители, все дети,

Здесь у стола при винегрете,
Крест отбивают Мне в иконе,
Светло, уютно в Русском доме.

Веками так в России было,
Красиво, вкусно, всё так мило,
Пришла косматая чума,
Весь мир сошёл тогда с ума.

Зачем вам много так детей,
Презерватив для всех мужей,
Еды теперь не нужно много,
Должны вы жить теперь убого.

Излишки все должны отдать,
Карл научил вас всех равнять,
Герой и пьянь, все на виду,
Должны все быть в одном ряду.

Все стали прятать свою прибыль,
Народ Руси пошёл на убыль,
Кормить все стали паразита,
Смысл книги Маркса, иезуита.

А кто кормить не захотел,
Тем революция, расстрел,
Затем повально конфискация,
Да! Воровство, экспроприация.

До революции дожили,
Зачем бездельников кормили,
Почувствовав чужую сласть,
Теперь они пошли во власть.

Теперь, пока туда-кабы,
У мрази мы теперь рабы,
Устали вас они равнять,
Их прихоть нужно выполнять.

А власть болото затянуло,
Страну без Бога всю прогнуло,
Был подзаборный аферист,
Теперь во власти коммунист.

Давай, мой раб, с тобой прощаться,
С зарёй мне нужно повстречаться,
Ты погуляй здесь, всё обдумай,
О будущем своём подумай».

Я говорю: «Вы мой Святой,
Всегда Вы будете со мной,
Я с Вами всё преодолею,
Ваш Крест повешен мне на шею».

И вновь обнял меня Святой:
«Ступай по жизни ты со мной,
Со мной ты всё преодолеешь,
Смысл жизни ты познать сумеешь».

Еще немного подрастёшь,
Ты сам познаешь, всё поймёшь,
Зачем на этот свет родился,
А раньше смерть, ты с ней смирился».

Пошёл Святой навстречу дню,
Я вслед ему с тоской смотрю,
Кто так мне жизнь ещё подскажет,
Кто на ошибки мне укажет.

А я стою, смотрю на Русь
И Родиной своей горжусь,
Она всем Русским Мать Святая,
Мы говорим ей все: «Родная,

Сейчас немного ты больна,
У всех случается хандра,
Наступит час выздоровления,
Народу будет облегчение.

Наступит час и возрождения,
Да скинешь ты с себя мучение,
Святой зарёй тебя венчает,
А Мать Святая обнимает.

Народ вновь Русский оживёт,
Все в руки сильные возьмёт,
Девчата вновь все в сарафанах,
А мужики все в шароварах.

Поля засеяны ржаные,
Луга, так просто заливные,
Пшеничка золотом блестит,
Подсолнух у плетня стоит.

Стада коров, косяк гусей,
Голов там тысяча лошадей,
В Руси на тех полях пасутся,
В сенях там куры вновь несутся.

Там ловля рыбы, там охота,
Для церкви день всегда суббота,
Придут в наш Храм, нам всем родной,
Затем на ярмарку гурьбой.

Ворота Храмы распахнут,
Туда младенцев принесут,
Святая вновь вода в купели,
Молитвы вместе все запели.

Все дети вновь с Крестом на шее,
Картины ярче нет, милее,
Глаза, как небо голубые,
Веснушки рыжие, смешные.

И вновь все семеро по лавкам,
Поменьше кто, те по коляскам,
Смех детский звонкий по избе,
Дед утешается в мольбе.

Всем внукам просит он здоровье,
Тем, кто постарше, всем застолье,
Пусть чаша полная всегда,
Пусть стороной пройдёт беда.

Пусть драки, войны нас минуют,
Пусть люди наши торжествуют,
Детьми Россия расцветёт,
Нас враг заморский не поймёт.

Зачем нас, Русских, понимать,
У нас от них другая стать,
Чтоб нас понять, войной пойдут,
Смерть здесь они свою найдут.

У нас не раз уж так бывало,
Им в нос даёшь, а им всё мало,
Всё лезут, лезут на рожон,
А мы их бьём, враг поражён.

Я где-то час ещё бродил,
Рассвет, в кровать вновь угодил,
Есть в теле чёткое стремление
Начать скорее пробуждение.

Минут пятнадцать я лежал,
Сон со Святым свой вспоминал,
Себе команду дал: вставай,

Кровать родную убирай.

Затем рутина расписания,
Одежда, бег, в пруду купание,
Дом, кухня, сладкий бутерброд,
Метро, вагон, а в нём народ.

Мой уголок, фанерка правил,
В неё вальяжно нос направил,
Стою, дышу я на стекло,
Опять с утра мне повезло.

Народ с волнением стоит,
Друг с другом тихо говорит,
Все смотрят на людей входящих,
Нет ли у них вещей блестящих.

Боятся за вчерашний взрыв,
Вдруг вновь устроят нам подрыв,
Инстинкт народа к сохранению
Приводит к недоразумению.

Кто паникует, кто психует,
От страха кто-то здесь беснует,
Народ волнуется, встревожен,
В Союзе взрыв был невозможен.

Один с утра опохмелился,
Кричит: «В рубашке я родился,
Вчера я опоздал в метро,
Взрыв, всё вокруг темно».

Один кричал, что злой приметой
(В руках размахивал газетой)
Нам террористы эти стали,
Нет совести и нет морали.

Что хорошо, что взрыв без жертв,
Кричал с газетою студент,
В газете это прочитал,
И вновь нам кто-то сильно врал.

Опять кричит мужик похмельный:
«Где КГБ у нас хвалебный,
Что нашу жизнь не защищает,
Народ от этого страдает».

Он крикнул это и заглох,
Народ как будто бы оглох:

«Вы что-то здесь сейчас сказали,
Не все мы фразы услышали,

Вы повторили б нам на бис,
Народный, так сказать, артист,
Мы очень просим, просим вас,
Исполнить долгожданный сказ».

Опять мужик свой рот открыл,
Тут кэгэбэшник подвалил,
Браслеты на руки одел,
И потащил его в отдел.

Я очень сильно удивился,
При всех я Богу помолился,
Без жертв, написано в газете,
Сказал нам тот студент в берете.

А спецзаказ, что на погосте,
В душе я крикнул всем от злости,
А крик души, аккордеон,
Кому всю ночь играет он?

Стоял один еврей напротив,
Сказать народу он не против:
«Жаль, кэгэбэшник-то ушёл,
Двоих с собою б он увёл.

Стоит здесь, крестится при всех,
Чужой на душу взял он грех,
Советский здесь стоит народ».
«Ты б помолчал, дерьмо, урод! —

Кричат в вагоне мужики. —
Тебе не подадим руки,
Малого сдать, да под расстрел,
Смотри-ка, что он здесь узрел.

Мальчишка взял, перекрестился,
Чему, еврей, ты удивился,
Он что, петь должен манифест,
Или подать в ЦК протест?

Он Православный, нашей Веры,
Не ваши он блюдет манеры,
А ты его скорей сдавать,
Привыкли вы народу врать».

Мужик чуть-чуть отворотился,

Еврей по-быстренькому смылся,
Его крамола не прошла,
Жаль, что до рожи не дошла.

Я к мужикам тем повернулся:
«Спасибо», – им я улыбнулся,
Затем я вышел из вагона,
Пошёл на выход вдоль перрона.

Спешу в своё я заведение,
К наукам есть души стремление,
Последний год я там учусь,
По жизни очень быстро мчусь.

Спешу, в мозгах тревожный стон,
Звучит в ушах аккордеон,
Сегодня дочку отпевает,
В могилу к маме провожает.

Как наш маэстро на погосте,
В душе его ни капли злости,
Он горем, смертью той убит,
Аккордеон в руках звучит.

Я поспешил в наш храм за знанием,
Флаг с чёрной ленточкой над зданием,
На первом этаже военный,
Проводит митинг откровенный:

«В стране советской вновь темно,
Висит на всех на нас ярмо,
Как террористов пропустили,
Взорвать метро им разрешили.

Мы с вами все здесь виноваты,
Предупреждали нас плакаты,
Чтоб были все мы начеку,
Зачем и сам я не пойму».

Военный дальше продолжал,
Как родину в войну спасал,
Затем понёс какой-то бред,
Кричал, что вышел на их след:

«Мы террористов тех поймаем,
К стене, и тут же расстреляем,
У нас, бойцов, рука не дрогнет,
Пусть на помойке сволочь сдохнет».

Опять понёс он про войну,
Как защищал от них страну,
Как диверсантов в тыл бросали,
Как быстро всех их вычисляли.

Что виновата за граница,
От них нам лучше бы закрыться,
Они там все капиталисты,
Бандиты, просто террористы.

Опять он всех нас обвинил:
«Ведь я потратил много сил,
Привил вам всем своё чутьё,
В стране ублюдков громадьё.

По плацу плохо вы ходили,
Вы автомат не изучили,
Пешком прошли вы марш бросок,
Вы не усвоили урок.

У вас и выправка не та,
Как вы пойдёте на врага?
Он разобьёт вас в пух и прах,
Вы убежите впопыхах.

Чтоб террористов изловить,
Урок вам нужно мой учить,
Есть в заведении бультерьер,
С меня должны вы взять пример.

Что хорошо – погибших нет,
Сказал партийный комитет,
Отделались одним испугом,
Подумать нужно над досугом».

И вновь я очень удивился,
Откуда спецзаказ свалился,
Гробов откуда вереницы,
Вранья в газетах все страницы.

Зачем погост весь в оцеплении,
К чему его тут выступление,
Зачем народу столько врёте,
К чему страну вы приведёте.

Народный наш в стране артист
Для вас, что – просто аферист?
Он дочь в теракте потерял,
Что он красиво всем наврал?

И в пол я опустил глаза,
Скатилась с них моя слеза,
Аккордеона вспомнил звук,
Стоит и врёт нам политрук.

Взрыв прогремел вчера в вагоне,
Тела валялись на перроне,
Весь день и ночь их в морг возили,
Погост сегодня оцепили.

Я им сказал: «Зачем нам лжёте,
Тела и души их в полёте,
Сегодня всех их отпевают,
Под гриф «секретно» провожают.

В газетах пишут, что жертв нет,
Для нас они большой секрет,
Народ наш Русский понимает,
Огня без дыма не бывает.

Взорвалась там у них хлопушка,
Как новогодняя игрушка?
Народ совсем не испугался,
А кто-то просто рассмеялся?

Там взрыв! Вагон разворотило!
Пожар, все стены закоптило,
Там мясорубка из людей,
Там тьма поломанных костей.

Весь день, всю ночь их разбирали,
Людей родных к ним не пускали,
Затем по моргам развозили,
Вагон на части распилили.

Из-за бессмыслицы идей,
Взорвали там простых людей,
Чиновник едет на машине,
Шофёр и руль в его кабине.

Нельзя без жертв вагон взорвать,
Зачем стране и нам здесь врать,
Всю правду всё равно узнают,
Уже все власти проклинаят.

Людей домой мы не дождались,
Куда они все подевались,
Их души в небе испарились,

Тела их в морге очутились.

Их распознать уже нельзя,
Погост теперь им колея,
Убиты горем все родные,
А нам вранья здесь позывные.

На Красной площади когда
Хоронят члена иль вождя,
Во всех газетах растрезвонят,
Что члена партии хоронят.

А здесь невинно убиенных
Гражданских лиц, а не военных,
Стране проститься не дают,
Опять же всем нам сладко врут.

Вы террористов изловите,
Всем пальцем строго пригрозите,
Взрывать в метро не хорошо,
Жертв нет, властям опять смешно.

А правда-то не воробей,
Дойдёт когда-то до людей,
Поймём мы, что в обмане жили,
Нам правду всю не говорили.

И вы нам здесь стоите, лжёте,
Вы груз бесчестия несёте,
Родным убитых тяжело,
Язык ваш, словно помело».

Военный смотрит на меня,
И продолжается брехня:
«Кто там открыл ещё свой рот,
Газета «Правда» ему лжёт?

Да это ж орган наш ЦК,
Ведущая всем нам рука,
Они все факты проверяют,
В политбюро об этом знают.

Наш Леонид Ильич бесценный,
Наш дорогой и откровенный,
Как проберёт его тоска,
Читает новости ЦК.

Ты обвинил всю нашу власть,
Что нас обманывает всласть,

Нам написали, что жертв нет,
Таков партийный аргумент.

Ты «Правду», орган обвинил,
Ты честь и совесть уронил,
Не веришь ты партийным зря,
Обидел генсекретаря.

Да ты и здесь меня обидел,
В нас ты врагов своих увидел,
Не за горами педсовет,
Держать тебе при всех ответ.

Тебе остался год учиться,
Весь педсовет перекрестится,
Ты в армию затем уйдёшь,
Поймёшь значение слова ложь».

Тогда наш дока слово взял:
«Ты что, хомут, к нему пристал!
Вы ложью правду растоптали,
Народ за дураков приняли.

Всю ночь в подъезде нашем вой,
Плач, стон народа всей гурьбой,
На свадьбе все у них гуляли,
А молодых в метро взорвали.

Они ведь только поженились,
Вся улица на них молилась,
Когда по улице идут,
Поклоны все им отдают.

А как народ за них был рад,
К ногам осенний листопад,
Когда они вдвоём танцуют,
Над ними голуби воркуют.

У них в семье медовый спас,
Кто положил на них свой сглаз,
За что любовь у них отняли,
Вот правда, вы её взорвали.

Своей навязчивой идеей
Страны бесчинств и прохиндеев,
России руки вы сломали,
Остов её вы подорвали.

Вы угнетаете людей,

В скот превращаете, в зверей,
Не знали меры, широты,
Объёма любящей души.

Да вам бы всех нас подравнять,
Зажиточных людей сажать,
Всех умных запихнуть в психушку,
Прицел, винтовка, всех на мушку.

В России кто чинил террор?
Кто под рубашкой нёс топор?
Кто в книгах дал нам всем понять,
Что нужно в свой народ стрелять?

Кем тюрьмы наши все забиты?
Что, там сидят одни бандиты?
Сидят там с властью не согласные,
Для членов партии опасные.

Так зарождается террор,
Расстрел неравных всех в упор,
Права людей там ущемили,
В подвале бомбу смастерили.

А террористы люди злые,
Диагноз: все они больные,
В метро взорвут людей невинных,
Для ваших митингов наивных.

Должны детей мы научить:
Нельзя людей живых гнобить,
Нельзя стрелять, нельзя взрывать,
Нельзя им всякий бред внушать.

Нельзя чужую жизнь ломать,
Нельзя плоды трудов отнять,
Нельзя историю подменить,
Народ вольготно должен жить.

В устоях Русского народа,
Есть Православие, свобода,
У нас есть дух, патриотизм,
Зачем нам этот терроризм?

Учитель русского террора
Лежит у стенки, у забора,
В столице Родины моей
В граните дряхлый мавзолей.

Пойдёмте, дети, быстро в класс,
Весь этот митинг не для нас,
Зачем мы слушаем враньё,
Сейчас во власти вороньё».

Поднялись быстренько мы в класс,
Наш дока осмотрел всех нас,
Ко мне отдельно обратился:
«С какой берёзы ты свалился!

Им правду всю ты рассказал,
Откуда это ты узнал».
Ему тогда я отвечал,
Как музыканта повстречал.

Как жалко пел аккордеон,
Как на концерте плакал он,
Как дочку, аленький цветочек,
Взорвали, чистый ручеёчек.

Сегодня мама дочку встретит,
Священник путь её осветит,
Играет, плачет наш маэстро,
Гармонь играет без оркестра.

Тогда я детям рассказал:
«Могилу сам я ей капал,
Маэстро рядышком сидел,
Он плакал, на меня смотрел.

Поклоны бил мне в благодарность,
Мы с мужиками в солидарность
Его жалели, что есть мочи,
Ушли втроём в начале ночи».

Наш класс в кромешной тишине,
Наш дока подошёл ко мне,
Он посмотрел в мои глаза,
Из глаз его пошла слеза.

Он хочет что-то мне сказать,
Не может слов он подобрать:
«Ты на погосте по ночам
Копашь ямы москвичам»?

Тогда я: «Да, – ему ответил,
Как будто слез я не заметил, —
Четвёртый год уже копаю.
Семье я, маме помогаю».

И вновь я доке говорю:
«Все убиенные в раю,
За что их жизни отобрали,
Кому на радость их взорвали?»

Родные горем все убиты,
Не люди, просто паразиты,
Себе им нужно угодить,
Людей невинных уморить».

«Давайте начинать занятие», —
Сказал наш дока, как заклятие.
Дверь отворилась и заходят,
На пару кренделя выводят.

Военный сразу в бой сорвался:
«Кричал я утром, надрывался,
Лежит в кармане партбилет,
Вам написали, что жертв нет.

Нашёлся здесь у них лазутчик,
В партийной жизни не попутчик,
Перечить партии надумал,
Он что-то против нас задумал.

Есть у него одно стремление,
Подставить наше заведение,
Чтоб террористы все нас знали,
Нас с вами здесь всех подорвали.

Директор слово сам берёт,
Спускается, к нам в класс идёт:
«Зачем перечить нам властям,
Нам нужно верить новостям.

С утра нам циркуляр спустили,
На жалость чтоб мы не давили,
В метро был взрыв, без пострадавших,
Нет жертв, нет без вести пропавших.

Зачем в стране паниковать,
У нас не могут убивать,
Не знаем терроризм,
У нас в стране социализм.

Зачем из всех нам выделяться,
Зачем над замом издеваться,
Военный выполнял приказ,

Нам партия дала наказ.

Мы вас последний год здесь учим,
Чему, скажите, вас научим,
Так далеко мы не уйдём,
Страну свою мы подведём.

Нам нужно вместе всем собраться,
Вокруг ЦК объединяться,
Нам партия всегда гласит,
Должны мы стать, как монолит.

Решение партии – приказ,
Не выполнение, отказ —
Ты на заметку попадешь,
Свой срок в Сибири проведешь.

Он подошёл затем ко мне:
«Ты что, подвержен сатане?»
«Нет, – отвечаю ему я, —
Я Бога нашего дитя.

Я в детстве в Храме был крещён,
В алтарь с Распятьем размещён,
Облит я был Святой водой,
Крест видел я над головой.

И до сегодняшнего дня,
На теле он, моя родня,
Я в комсомол ваш не вступаю,
Святой свой крест не променяю.

А кто подвержен сатане,
Лежит у нас давно в Кремле,
Да вот стоит он на плакате,
Звезда его давно в закате.

Да вот ещё наш генерал,
За год все нервы истрепал,
То власть красиво очерняет,
То плачет, за неё страдает.

Как трезвый, всем вождям он брат,
Как выпьет, ищет компромат,
Когда читает нам трактат,
Все взгляды вон на тот плакат».

«Ты что, крещённый, там сказал? —
Военный в класс мне заорал, —

Да я тебя под трибунал,
Чтоб не устраивал скандал!

Бойцов, как ты, в войну стреляли».
«Да, знаю, вы нам рассказали,
Заградотрядом вас прозвали,
В затылок Русских убивали».

«Опять несёт он ахинею,
От слов, от этих я краснею»,
«Чему краснеть, когда всё красно,
Давным-давно уж всем понятно.

Лицо под цвет у вас бордо,
И пьёте вы одно дерьмо», —
Ответил я на обвинение,
Наш дока высказал сомнение:

«У вас есть партия родная,
Для нас страна наша больная,
Вот изумительный пример,
Стоит военный изувер.

Когда он трезв, мозги сухие,
Вожди и Вова, все плохие,
Страну родную загубили,
Билет партийный не вручили.

Чуть выпьет он вина сухого,
Дороже брата нет родного,
Что на плакате здесь стоит,
За рюмкой с ним он говорит.

Ведут беседы о народе,
Как жизнь прекрасна на свободе,
Им много партия дала,
Сошёл сапог давно с ума.

С утра он митинг нам устроил,
Детей по струночке построил,
И врёт, и врёт всем напоказ,
Гласил директора приказ.

Да как могли Вы дать приказ,
И вновь подставил он здесь вас,
Собрать на митинг заведение
На ваше место есть стремление.

А уж за пазухой кулёк,

Стоит и ждёт в нём пузырьрёк,
Когда его он откупорит,
Нальёт и червячка заморит».

Окончил дока выступление,
Есть у директора сомнение,
Он смотрит злобно на вояку:
«Убью, как дряхлую собаку».

Директор всех нас посадил,
Опять вояке пригрозил:
«Оставь ребят ты всех в покое,
Не лей на них свои помои.

Пройдём-ка лучше в кабинет,
Тебе устрою там банкет»,
И чинно вышел из дверей
За ним военный дуралей.

Стоял наш дока и молчал,
От нервов головой качал,
Он глубоко в себя вдохнул,
И тихо в класс для всех шепнул:

«Ушла партийная зараза,
Пить водку без вождей приказа,
Мы не живём, а существуем,
Вся жизнь в печали, мы тоскуем.

У нас отняли Русский быт,
Наш Храм стоит, давно забыт,
Давно народ наш не единый,
Косматым бесом одержимый.

Забыли мы свои обычаи,
Забыли и свои приличия,
Свою историю перевертали,
У нас Кресты с груди сорвали.

Нам верить в Бога запретили,
Все Храмы мы разворотили,
Забыли мы благословение,
На жизнь в России и Крещение.

Забыли праздники, обеды,
Забыли локоть мы соседа,
Не любим ближнего теперь,
Замок большой, закрыта дверь.

На всех с презрением мы смотрим,
За боль прощения не просим,
Предать – у нас теперь святое,
Дашь слово, так оно пустое.

Забыли мы и слово честь,
Ему замена – подлость, лесть,
Забыли мы и слово сударь,
Забыли Русскую мы удаль.

Товарищ! – женщину зовём,
Теперь ей руку подаём,
Сжимаем вместо поцелуя,
Её нисколько не волнуя.

Из женщин сделали работниц,
Да в основном одних уборщиц,
К станку поставили, к прилавку,
Бензин в машину льют, солярку.

Где нежность их, где красота,
Где Русская у них черта?
Где реверанс наш, где подход?
Бежит с утра на свой завод.

Рожать ей некогда, поверь,
План выполняет каждый день,
Один в стране у них покрой,
Одежды нет у них другой.

Страна Советов – инкубатор,
Большой для Русских изолятор,
Нам больше нечего надеть,
На мир другой нельзя смотреть.

Нас приучают к слабоумию,
К поступкам подлым и безумию,
Нас научили убивать,
Отца и брата, с ними мать.

Мы не живём, а существуем,
От всякой ереси ликуем,
Отцов народа почитаем,
Себя самих не уважаем.

Нас разобщили, разбросали,
Корней своих чтоб мы не знали,
Народ у нас теперь двойной:
Тот – с партией, а тот – простой.

Их меньшинство, они во власти,
Пьют кровушку они в две пасти,
Народ пришибленный молчит,
Звезда Кремля над ним горит.

Орлов двуглавых посшибали,
Державу, скипетр продали,
В России трон наш осквернили,
Зад коммуниста посадили.

Нас подбивали друг на друга:
Твоя неверная подруга,
А твой давно уже больной,
Он в жизни спит с чужой женой.

Вы рассмотрите эту пару,
Всё время пьют они на шару,
Сапог военный и директор,
Коммунистический прожектор.

Здесь, за плакатом выпивают,
Всех партначальников ругают,
Отходят утром и кряхтят,
Сигнал затем на всех строчат.

Как разобзили наш народ,
Как будто мы рогатый скот,
Одним жизнь вкусно подсластят,
Другим кость кинут, подсвистят.

Мы жили чинно, благородно,
В России всем всегда удобно,
Без притязаний, без обид,
С иголки был наш внешний вид.

Соседей всем всегда в пример,
Не нужен нам забор, барьер,
Со всеми мы всегда на Вы,
Нет панибратства, суеты.

По выходным – в Храм и по кругу
Мы в гости ходим все друг к другу,
Поклоны чинно отбиваем,
За всех людей переживаем.

А если горе, то на всех,
Нам в эти дни не до потех,
Его всегда преодолеем,

Мы справимся, мы все сумеем.

Учить нас праздникам не надо,
Гулянье Русскому отрада,
Всем миром свадьбы мы справляем,
Затем детей в дом запускаем.

Мы день рождения отмечаем,
Крестины, вновь мы все гуляем,
Невесту сын в наш дом привёл,
И вновь соседи все за стол.

Мы всех Святых не забываем,
Мы любим их и почитаем,
С утра помолимся иконке,
Вечере рюмочку в избёнке.

С утра покос для нас забота,
И стар, и млад, у всех работа,
Пока сенаж не заготовим,
Бутылку с мёдом не откроем.

Покос закончился на воле,
Стол деревянный прямо в поле,
Девчата, жёны накрывают,
Детишек с взрослыми сажают.

Во славу труд наш завершился,
В сенях скот всем им поклонился,
На зиму есть им угощение,
Мычит корова, утешение.

Вечере поздно завершилось,
Затем песнь Русская залилась,
Звучит с туманом по полям,
Назло всем местным соловьям.

Звучит она по косогорам,
По ручейкам и по подолам,
Листвой деревья заиграют,
Слова все Русской песни знают.

Протяжный мелодичный звук,
Он прекращает дятла стук,
В лесу все звери засыпают,
Когда созвучно запевают.

Объём всей песни, широта,
Как Православная душа,

Есть заунылые напевы,
Частушки есть, а к ним припевы.

Есть песни Русские страдания,
Невест всех песня, обещание,
Руси есть песни посвящение,
Поются всеми, как прощение.

Есть песни встреч и расставания,
Баллады есть, в любви признания,
Есть песни хитрые, смешные,
Есть звонкие и озорные.

Есть песня белых лебедей,
Есть песня Русский соловей,
Поём про наших журавлей,
Спасают души всех людей.

Молитвы в Храме хор поёт,
Ручей звучит, нам воду льёт,
Звучит раскатом колокольня,
Жизнь на Руси всегда привольна.

В России жизнь – произведение,
Мы просим у людей прощения,
За прошлое, за то, что будет,
Никто нас в этом не осудит.

У Русских жизнь всегда загадка,
У всех всё плохо, Русским гладко,
Всегда Россия процветала,
На этом власть Царя стояла.

Весь мир завидовал, боялся,
Нет-нет, с войной к нам собирался,
В России гладко, хорошо,
Но почему у нас дерьмо?

Должны Россию покорить,
Хотим мы тоже также жить,
Раскроем Русские секреты,
А им дадим свои советы.

Врагов мы били, прогоняли,
Не раз в боях их поучали,
Припевы в песнях не поют,
Слова бессмысленно жуют.

Весь мир мы хлебушком кормили,

Они за счёт России жили,
Нашлись в среде той мудрецы,
Так для России подлецы.

Переворот нам в благодарность,
Вождей-евреев в солидарность,
Изгнали Русские таланты,
Теперь их статус – эмигранты.

Куда не плюнь, там всюду наши,
Картины, акварель, пейзажи,
Там наш балет и оперетта,
Там наша опера, дар света.

А сколько там больших учёных,
Людей от Бога одарённых,
Его начнёшь ты изучать,
Так Русская, позвольте, мать.

Куда в науках им без Русских,
У них мозги в проходах узких,
Все думы только о дерьме,
Как поплывет оно во тьме.

Есть град Петра, причала лик,
Стоит гранитный обелиск,
Позор России и затмение
Элиты всей переселение.

Умы России не нужны,
Пусть вон все едут из страны,
Ульянов так распорядился,
Корабль людьми перегрузился.

Подчистил вождь тогда Россию,
Страна же впала в анемию,
Нет гениев и нет талантов,
Артистов нет, нет музыкантов.

Теперь всё нужно очернить,
Позором прошлое покрыть,
Забыть всех предков и Царей,
Лишь помнить род своих вождей.

Сейчас в России увядание,
Народу Русскому страдание,
Там, за границей просветление,
Умом Российским восхищение.

У них всё наше – за своё,
Открытый Русских громадьё,
В России мрак и темнота,
Нет гениев и нет ума.

У них спектакли и концерты,
У них балет, аплодисменты,
У нас культурное событие —
Съезд депутатов, как открытие.

А депутаты из рабочих,
Солдат, колхозников и прочих,
Кто властью был Царя обижен,
Кто пьян валялся, неподвижен.

Теперь они зашевелились,
В ячейки все объединились,
Давай обиды вспоминать,
Людей невинных убивать.

Весь высший свет у нас забрали,
Трудился кто, всех расстреляли,
Остались только депутаты,
В карманах корочки, мандаты.

Кто будет сеять? Кто пахать?
Кто у станка будет стоять?
Народ кто будет наш кормить?
Одежду станет кто нам шить?

У нас этап очередной,
Голодомор в стране родной,
Не виновата здесь природа,
Лень гегемона и народа.

И вновь пошёл в стране террор,
У всех зажиточных отбор,
А кто препятствие чинит,
То дом при всех его горит.

А как людей к труду призвать,
Так пол страны арестовать,
Пусть пашут, строят всё бесплатно,
Террор, вандалу всё приятно.

Страна безмозглых коммунистов,
Пошла дорогой террористов,
На жизнь людей им наплевать,
Им бы у власти устоять.

Так мы же родина террора,
Лежит в Кремле гроб у забора,
Он злу и смерти господин,
Он террорист номер один.

Мы сами сук свой подпилили,
Всю мразь в Россию допустили,
А всё плохое – саранча,
Декреты Вовы Ильича.

Вот и живём мы все в терроре,
Убийство, взрывы, всё в наборе,
Урок хороший преподали,
Да пол страны перестреляли.

Убийцы лишь начнут стрелять,
Азарт их может обують,
Пубивают всех людей.
Когда ж снесут наш мавзолей!

Россия – мать сейчас больна,
В душе не Бог, а сатана,
Где взять лекарство для лечения,
Вот вам вопрос, для изучения».

Наш дока завершил урок,
Ребятам всем пошёл он впрок,
Стоит над классом тишина,
Лишь слышен скрип карандаша.

В тетради дока исправляет,
Что нам сказал, он дополняет:
«Людей вчерашних не вернуть,
Последний им печален путь».

Военный наш навеселе,
Влетает, сам он не в себе,
Уже с директором на пару,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.